

ИРИНА БОГДАНОВА

Круг
перемен

Ирина Богданова

Круг перемен

«Сибирская Благовонница»

2022

УДК 242
ББК 84(2 Рос=Рус)6-4

Богданова И. А.

Круг перемен / И. А. Богданова — «Сибирская Благовонница»,
2022

ISBN 978-5-00127-342-4

Иногда бывает так, что финишная черта вдруг превращается в стартовую. Главное, не отчаиваться и помнить, что в спорте побеждает тот, кто не боится падать. Нашим героям предстоит на себе испытать горечь обид и тяжесть потерь, прежде чем круг перемен в судьбе замкнётся и две старинные открытки окажутся в одних руках, теперь навсегда.

УДК 242

ББК 84(2 Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-00127-342-4

© Богданова И. А., 2022

© Сибирская Благовонница, 2022

Содержание

Уездный город Успенск,	6
Санкт-Петербург,	8
Уездный город Успенск,	17
Санкт-Петербург,	20
Близ уездного города Успенска,	30
Санкт-Петербург,	34
Близ уездного города Успенска,	36
Санкт-Петербург,	38
Село Загоруево, 1903 год	46
Имение купчихи Беловодовой,	48
Санкт-Петербург,	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Ирина Анатольевна Богданова

Круг перемен

© Богданова И.А., текст, 2022

© Издательство Сибирская Благовонница, оформление, 2022

*Там, где встретятся наши пути,
Не копи обиды и сомненья,
В этой жизни всё благослови
И скажи спасибо за мгновенья
Радости, печали и любви...*

*И не ожидай, что ждёт награда.
Звёзды тихо тают в вышине...
Раз случилось – значит, так и надо
Для чего-то и тебе и мне...*

*Не суди мои поступки строго,
Раз уж наши встретились пути,
И куда б ни вывела дорога,
Ты за всё, любимая, прости.*

Д. Мизгулин

Уездный город Успенск, 1875 год

Богатейший купец Афиноген Порфирьевич Беловодов умирал и отчётливо понимал, что умирает. В распахнутые настежь окна мёл снег, гуляя по спальне, сквозняк перебирал подзор на кровати и теребил ширинки¹ на божницах², шитые рукой жены-покойницы. Лампады давно погасли, лишь одна, у старинного семейного образа Богоматери, скупо чадила тонкой серой струйкой дыма.

Несмотря на трескучий мороз, закрывать окна Афиноген Порфирьевич не позволял – задыхался, а так хоть маленько, да схватывал губами глоток ледяного воздуха с вольной волюшки. Эх, в сани бы сейчас, накрыть ноги медвежьей полостью да рвануть по первопутку на ярмарку, чувствуя, как в крови молодая горячая силушка перемальвает хворобу. Да уж не бывать по сему – отбегался Афиногенушка на веки вечные.

Иногда, впадая в короткое забытьё, он видел себя под венцом, рука об руку с новобрачной супружницей Агафьей, испуганной и боязливой. Ну, а как иначе? Девку он взял строгого воспитания, она, почитай, кроме отца да братьев, других мужчин и не видела, а тут сразу муж, да ещё такой лихой, что одним взглядом мог на девичьих щеках румянец зажечь. И певчие на хорах тогда пели по-особенному сладостно и торжественно, ровно спустившиеся с небеси Ангелы Господни. Почему-то запомнились бородавка на щеке у дьячка и то, как кланялся до земли нищий на паперти в ожидании щедрого подаяния.

– Пряники, пряники раздавайте! – с весёлой удалью кричала сваха и бросала под ноги молодым горсти пшеницы – на богатую и чадородную жизнь, что пролетела полуденным ветерком по верхушкам соснового бора, купленного аккурат перед болезнью.

В изголовье кровати переминался отец Мелхиседек, призванный для последнего причастия, а напротив стояла единственная наследница Марфуша, и он как мог оттягивал смерть ради того, чтоб успеть дать дочери последний отцовский наказ. Готовясь отлететь к Богу, душа напоследок молотом стучала в рёбра и кровью клокотала в воспалённом горле, мешая молвить слова напутствия.

¹ *Ширинка* – на Руси ширинкой называли платок, рушник. Полотенца, украшенные вышивкой, являлись неотъемлемой частью быта русской семьи и обрядовых действий.

² *Божница* – полка, на которой ставились иконы.

Афиноген Порфирьевич шевельнулся, и Марфуша жадно кинулась к кровати, рухнула на колени и припала губами к холодеющим пальцам, словно хотела согреть их своим дыханием.

– Тятенька, молю, не умирайте. Как я без вас? Убогая, беззащитная.

Хоть и уходили силы у Афиногена Порфирьевича, а на последнюю слезу хватило. Она покатила по щеке и капнула на бороду с густой сединой посреди иссиня-чёрных волос.

«Экая борода у тебя, Афиноген Порфирьевич, – с уважением говорил управляющий Коломыйкин. – Ровно радость и горе напополам разложены: то чёрная полоса, то белая».

Сейчас Коломыйкин стоял позади Марфуши и комкал в руках поля фетровой шляпы-котелка.

Афиноген Порфирьевич поднял веки и обвёл взглядом лица собравшихся у его смертного одра.

«Рождаемся со слезами и умираем со слезами...» – мелькнула оборванная мысль, потому что разум оставался ясным, как протёртое стекло из его любимого детища – стекольной мануфактуры. Рука Афиногена Порфирьевича легла на голову Марфуши.

– Марфа, ты должна... – Голос Афиногена Порфирьевича сорвался, и он испугался, что не скажет о том, о чём мучительно думал сквозь горячку.

– Что, тятенька? Я всё выполню, что вы прикажете.

– Марфа, поклянись Богом, что никогда не выйдешь замуж и уедешь из города. Управляющий покажет, где твоё новое имение, там и живи, сколь тебе отпущено.

В глазах потемнело, словно на небо взошла грозная туча и укрыла солнце.

Марфу на миг заслонила крупная фигура отца Мелхиседека с крестом в руках, и Афиноген Порфирьевич понял, что его времечко истекло каплями в песок вечности.

– Поклянись, Марфа, дай умереть спокойно.

Падая в мягкую блаженную тьму, Афиноген Порфирьевич уловил отчаянный дочкин плач, волной прошедший над его телом:

– Клянусь, тятенька, клянусь, воля ваша!

Санкт-Петербург, 2017 год

Молодой человек несколько минут понаблюдал за сотрудниками службы контроля на входе в метро и шагнул к рамке металлодетектора. Перед тем как пройти сквозь рамку, он облизал губы, мысленно воззвав к высшим силам. Кровь грохотала в ушах короткими упругими толчками. На случай, если сейчас раздастся истошный писк детектора, у него был предусмотрен особый план, но прибор промолчал. Пронесло!

Он опустил жетон в прорезь турникета. Отрезая путь к отступлению, рычаг повернулся и пропустил его вперёд, в гулкое эхо уходящего поезда. Мозг чётко фиксировал происходящее, не упуская ни единой детали. Он машинально запомнил двух охранников около банкомата, уборщицу с неповоротливым агрегатом, оставляющим после себя влажную дорожку чистого пола, дежурную по станции в форменном кителе и узкой юбке. Ему казалось, что все они смотрят прямо на него и точно знают, зачем он спустился в метро. Теперь главное – не дрогнуть и не выдать себя. Осталось пройти несколько шагов до эскалатора, и тугой узел напряжения внутри живота распустится и даст спокойно вздохнуть.

Народу на станции было немного, и он пожалел, что поторопился. Стоило пару часов подождать часа пик, который заполнил бы до отказа вестибюль и электрички. Засунув руки в карманы, он слегка поёжился от нервного возбуждения, зябким холодком растекающегося по позвоночнику.

Чувство напряжения было сродни выпитым подряд нескольким чашкам крепчайшего кофе. Он пил его сегодня утром, растягивая удовольствие от капли до капли, – чёрный, сладкий, почти кипящий. За окном пятиэтажки, набухая весенними соками, мотались ветки старого тополя. Удивительно, но петербургская погода расщедрилась на толику солнца. Он ненавидел этот тоскливый город с мертвенным светом серого неба, влажным ветром с Невы и вечной суетой людской толпы. Шум настигал везде, даже в тихом спальном районе, где он снимал квартиру у толстой неопрятной хозяйки с отвисшими щеками пьяницы. Чтобы пройти к подъезду, приходилось огибать ряд легковушек, припаркованных вплотную к тротуару. Машины и их хозяев он тоже ненавидел тяжёлой удушающей ненавистью.

Он представил себе двор южного города, расчерченный по асфальту теньями от пышной зелени. На миг показалось, что в лицо дохнуло запахом цветущего миндаля и сухим ветром с гор, перемешанным с ароматом свежих лепёшек из бабушкиной печи. Бабулины добрые

руки гладили его по голове, по плечам, и он старался расправить их пошире, чтоб походить на настоящего мужчину, защитника и добытчика. Это было давно, в той, другой жизни, которая с минуты на минуту расколется надвое. Ожидание, словно болезнь, вытягивало из него силы и нервы.

Перед выходом из дома он очень долго одевался, то и дело поглядывая на себя в узкое зеркало около двери. Худощавый молодой человек в зазеркалье выглядел слишком бледным – так не годится. Нельзя допустить, чтобы на него обратили внимание: слишком многое поставлено на кон. Привычным движением он поправил очки, осторожно повел плечами с тяжёлым рюкзаком и стиснул ручку спортивной сумки, грузно оттянувшую руку вниз.

* * *

– Инес, ты не представляешь, какую новость я принёс тебе в клювике!

Олег любил называть её на испанский манер. Если кому-нибудь другому Инна не позволила бы шутку со своим именем, то Олегу прощалось всё.

Он улыбнулся, и эта улыбка погрузила её в тёплую волну нежности.

– И что за новость?

Он выудил из-за спины букетик фиалок:

– Во-первых, я тебя люблю.

Она засмеялась:

– Ну, это уже не новость.

Олег покаянно вздохнул:

– Согласен. А во-вторых, мы с тобой летим в отпуск. Угадай куда?

– Турция?

Олег шутливо нахмурил брови:

– Фу, какая пошлость. Я могу позволить кое-что лучше. – Он сделал паузу, во время которой привлёк Инну за плечи к себе и шепнул в самое ухо: – Я забронировал отель на Мальдивах! Представь: лазурное море, отдельный домик на сваях с собственным бассейном и любезный официант, который сервирует завтрак на плавучем столике прямо на воде.

– О, Олег! – Инна посмотрела на него с обожанием, не в силах придать себе беспристрастный вид хотя бы ради приличия.

Олег улыбнулся и одобрительно скользнул глазами по её лицу.

– Ты же знаешь, я люблю всё самое лучшее.

Инна засмеялась:

– Я тоже. Недаром я выбрала именно тебя.

Они шли по Садовой улице, купающейся в мареве весенней оттепели. Петербург медленно оттаивал от долгой зимы. В сквере у Суворовского училища неистово драли горло вороны, такие же чёрные, как остатки городского снега на обочине дороги. Потоки влажного ветра приятно охладили щёки и покрывали губы лёгкими поцелуями. Успев вдоволь озарить город, солнце медленно покидало зенит, оставляя на стенах домов следы своих тёплых ладоней. Если бы не людской поток, то подсвеченные солнцем арки Апраксина двора выглядели бы театральными декорациями в грандиозном спектакле «Тайны Апраксина двора», в простонародье называемого Апрашкой.

Огромный торговый двор внутри снискал себе недобрую славу ещё в первые годы после перестройки: по городу то и дело вспыхивали слухи то о перестрелках, то о бандитских группировках, то о груде трупов, которые вывозят под покровом ночи в неизвестном направлении. Постепенно обветшалые ларьки внутри Апраксина двора сменились на лёгкие павильоны из стекла и стали, рынок стал более цивилизованным, но славы своей не утратил, крепко держа пальму первенства «Бандитского Петербурга».

Олег тронул свою спутницу за руку:

– Инес, ты сегодня на машине?

Она остановилась:

– Нет, я взяла такси. Не хотелось искать парковку по пробкам. А ты?

Он покаянно опустил голову:

– И я на такси. Но совершенно по другой причине.

Инна резко вскинула голову:

– Опять лихачил, и тебя лишили прав?

Пару месяцев назад она оказалась свидетельницей инцидента, когда Олега остановил гаишник за пересечение двойной сплошной. Позже он признался, что с трудом удалось выпарать права назад. Сама Инна ездила очень осторожно.

Олег горячо запротестовал:

– Ничего подобного. Отогнал машину на техобслуживание. И знаешь, у меня появилась идея! Давай проедем пару остановок на метро. Так сказать, в целях общего развития, а потом вызовем такси. Ты когда в последний раз ездила на метро?

Припоминая, Инна сдвинула брови, и Олег тотчас кончиком пальца разгладил складку на её переносице:

– Не хмурься, тебе не идёт.

Она тряхнула головой:

– Я была в метро года два назад, перед тем как купила машину.

– Вот! – Олег победно хмыкнул. – А я не ездил на метро примерно лет семь. – Он немного подумал. – Я в школе волочился за одной девочкой, она ездила на метро, а поэтому мне приходилось изображать, что нам по пути.

Инна с любопытством взглянула на Олега снизу вверх. Она любила смотреть на него вот так – искоса, невзначай, чтобы снова и снова с замиранием сердца понять, что теперь он принадлежит только ей одной, и никому больше.

– И куда делась та девочка?

– На первом курсе института она вышла замуж и стала толстой сварливой тётенькой, так что тебе не о чем волноваться.

Инна пожала плечами:

– Верись, я совершенно не волнуюсь, даже если бы ты ухаживал за целым курсом института.

Она и вправду не волновалась. К чему глупая ревность, если Олег с неё глаз не сводит и засыпает подарками?

В его глазах блеснуло лукавство.

– И правильно делаешь. Я верен тебе, как секретный код банковской ячейки.

– Интересное сравнение.

Они дружно рассмеялись, привлекая к себе внимание прохожих. Инне нравилось, что на них смотрят: красивая пара в дорогой модной одежде, с отсутствием тягостной озабоченности на лицах. Бедность, неустроенность и разочарование были придуманы для других, а им уготована долгая благополучная жизнь людей из хороших семей с прекрасным образованием. Иначе и быть не должно!

Идущая навстречу девушка оценивающе взглянула на Олега. Он был высоким, стройным, с немного тяжеловесным подбородком, который придавал ему мужественности. Инна демонстративно взяла его под руку, утверждая своё право единственной и неповторимой.

* * *

Олег так давно не ездил в метро, что на несколько мгновений растерялся от духоты и скученности. Плюс ко всему он успел забыть, что для прохода требуется купить жетон и опустить его в дурацкую прорезь турникета.

Когда он родился, отец уже заработал первый миллион, и их семью возил угрюмый шофёр Илья с пиратской рожей и огромными ручищами молотобойца, поэтому в метро Олег в первый раз побывал лет в двенадцать, с гувернанткой Мариной Леонидовной. Именно Карина возила его на экскурсии и знакомила со станциями метро, взахлёб рассказывая об архитектуре подземных замков со стучащими поездами и рельсами под электрическим током. Но однажды на эскалаторе Олег зазевался, и подошву его кроссовки зажевала гребёнка бегущей лестницы. После инцидента Карину сразу уволили, и «выходы в народ», как мать называла их экскурсии, прекратились. А потом родители подарили ему на восемнадцатилетие машину...

Олег успел выругать себя за странную мысль о поездке на общественном транспорте, но следовало держать марку, и он галантно пропустил Инну вперёд:

– Сначала дамы, потом кавалеры.

Поворот турникета на мгновение отделил её от него, и Олег сразу же уловил заинтересованный взгляд высокого парня с шевелюрой пшеничных волос, которым тот успел одарить Инну.

Уголок рта Олега дрогнул в усмешке: «Завидуй, родной. Подобные девушки созданы для мужчин в шикарных автомобилях, а не для пассажиров петербургского метрополитена».

Здесь, посреди пёстрой толпы, он почувствовал свою принадлежность к другому миру, существующему в параллельной вселенной, сотканной из запахов элитного парфюма, напряжённых разговоров о биржевых курсах и светских тусовках. Там собирались сливки общества, чтобы как бы невзначай блеснуть последними достижениями и завести полезные знакомства.

Вон та девушка в потёртом пуховике, что стоит впереди него, уткнувшись в телефон, небось и не знает, что такое фондовая биржа NASDAQ или DeutscheBorse. Да и зачем, собственно, ей это знать, если она вполне удовлетворена однушкой в хрущёвке, а отдых в Египте или Турции воспринимается сказочным восточным раем? Каждому своё. То ли дело его Инес!

Он познакомился с ней полгода назад на случайной вечеринке в кафе и сразу понял, что девушка – высший класс. Бывают такие женщины, что прошла мимо – и все особи мужского пола сражены наповал без единого выстрела. Когда он в первый раз увидел Инес, её большие глаза цвета гречишного мёда, тёмный шёлк волос, обворожительную улыбку с влажным блеском жемчужных зубов, то сразу решил – моя! В её движениях сквозила какая-то особая грация, брала ли она в руку бокал с вином или небрежно поправляла волосы. На неё хотелось смотреть и смотреть не отрываясь.

Чтобы Инна не ускользнула в объятия соперника, Олег немедленно переговорил с её подругой Галей и без обиняков заявил, что он человек небедный, является совладельцем отцовской фирмы по торговле лесом и сумеет быть благодарным за посредничество в близком знакомстве.

Подруга, невзрачная блондиночка с блёклым взглядом голубых глаз, хитро сощурилась:

– Инка тоже не с помойки. Отец был археологом. Он умер несколько лет назад, а мать вышла замуж за финна и живёт в Финляндии на собственном хуторе. Сама Инна заканчивает Высшую школу экономики, откуда студентов с последнего курса разбирают на престижную работу. В общем, деньгами ты её не заманишь. Да и женихов вокруг неё пруд пруди, один лучше другого. Так что тебе, дружок, придётся постараться обратить на себе внимание. – Галя с издёвкой улыбнулась и добавила: – Учти, совет бесплатный. Я подругами не торгую.

Но брать штурмом неприступную крепость не пришлось, потому что при первом же общении у Олега и Инны обнаружилась масса точек соприкосновения, начиная от общих знакомых и заканчивая взглядами на проблемы современного мира. «Мы совпадаем даже по маркам автомашин», – определил Олег их отношения. От других девушек Инну отличали весёлость и незлопамятность. Она не намекала на походы в ресторан (хотя он с удовольствием водил бы её каждый день), не требовала отчёта о свободном времени, не ревновала и не капризничала. Словом, состояла из одних добродетелей, что, по мнению Олега, склоняло к дарованию Инес гордого титула его жены. Удивительно, но против Инес не устояла даже его строгая мама, которая прежде напрочь отметала всех представленных ей кандидаток. Нельзя сказать, что мама выразила восторг, но, по крайней мере, не ушла демонстративно из-за стола, как случилось с несколькими прежними подругами, и не отказывала Инес в присутствии на семейных праздниках.

Длинный эскалатор змеёй уползал под землю, заканчиваясь у будки контролёра. Контролёр поднесла микрофон к губам:

– Молодые люди, не сидите на ступенях эскалатора. Помните, метро – источник повышенной опасности.

Группа ребят на противоположном эскалаторе дружно засмеялась. Олег стоял лицом к лицу с Инной, и её губы были в такой доступной близости, что он не смог удержаться.

– От тебя пахнет мёдом.

– Молодые люди, не целуйтесь на эскалаторе. Помните, метро – источник повышенной опасности! – грозно предостерёг их металлический голос, усиленный динамиками.

Олег изумлённо поднял брови:

– И это нельзя?

– Наверное, она никогда не целовалась, – шепнула ему на ухо Инна.

– Просто она уже старая, – сказал Олег, хотя прекрасно видел, что контролёр молодая и очень даже симпатичная.

Хихикая и обнимаясь, они подошли к платформе. Судя по табло, поезд ушёл две с половиной минуты назад, и ожидающих пассажиров набралось порядочно.

* * *

В этот день настроение у Людмилы Константиновны стремилось к нулевой отметке. Ночью соседи сверху сначала слушали музыку, а потом выясняли отношения. Под утро, когда удалось наконец забыться коротким сном, дворники под окнами стали громко стучать крышками баков от помойки. Потом заурчали машины жильцов (и кто только разрешает оставлять их во дворах?! Шины бы им всем проткнуть!). В довершение ко всему ровно в восемь позвонила дочка и ноющим голосом сообщила, что внучка Анжелка выдала температуру, а ей самой сегодня никак нельзя брать больничный.

– Мама, только до обеда! А в час дня я тебя отпущу! Обещаю! У нас на работе аврал, а если я не сдам вовремя отчёт, то начальник лишит премии. Мама, ну пожалуйста!

– Мужа своего бездельника припахай, – буркнула в трубку Людмила Константиновна и стала собираться на выезд.

Несмотря на температуру, Анжелкиной энергии с лихвой хватило, чтобы забросить на шкаф футляр с бабушкиными очками. Охая и ругаясь, Людмила Константиновна взгромоздилась на стремянку, потянулась к верхнему краю шкафа, одновременно поняв, что спину узлом скрутил приступ радикулита. Только этого ещё не хватало!

Трясущимися пальцами Людмила Константиновна выколупала из блистерной упаковки пару таблеток обезболивающего, заранее зная, что от них не будет никакого толку.

Домой она ехала рассерженная и скрюченная, как еловая коряга из гнилого болота. Какая-то женщина в метро задела её сумкой на колёсиках и даже не извинилась. Мальчишки-школьники гоготали, словно стая гусей, и подпихивали друг друга локтями. Парочка влюблённых стояла поперёк дороги и держалась за руки. Они не расцепились, когда Людмила Константиновна пошла прямо на них. Оба высокие, красивые, хорошо одетые...

Последнее обстоятельство почему-то окончательно вывело Людмилу Константиновну из себя. Ей стало до боли обидно за свою нищую юность лимитчицы, за жизнь от зарплаты до зарплаты, за голодные девяностые, когда её завод закрылся, а она рыдала на скамейке у проходной, потому что не знала, чем кормить дочь и непутёвого мужа.

Нынешняя молодёжь, выросшая в сытости и довольстве, никакого горя не хлебнула, поэтому и такая нахальная.

Она метнула недобрый взгляд на девицу и специально встала так, чтобы перегородить парочке вход в вагон. Зачем? Сама не знала. Просто из вредности. Когда подошёл поезд, сквозь звук торможения она уловила негромкий голос девушки:

– Олег, пойдём в другой вагон, чтоб не толкаться.

– Вот и катитесь отсюда, – сердито пробурчала им вслед Людмила Константиновна, втискиваясь в вагон между двумя женщинами. Поток пассажиров развернул её вплотную к высокому парню в очках и бордовой куртке. Он смиренно стоял возле поручня и поверх голов смотрел на схему метрополитена под тускло отсвечивающим стеклом. Вытянув шею, Людмила Константиновна зорко скользнула взглядом по рядам сидений в поисках свободного места, потому что проклятый радикулит острой болью стрелял в левую ногу.

Парень в очках вежливо подвинулся и улыбнулся Людмиле Константиновне какой-то скованной, деревянной улыбкой.

«Бывают же приличные молодые люди. Не то что эти пижоны», – успела подумать она вскользь, а потом парень внезапно резко дёрнулся, и Людмила Константиновна рухнула во тьму.

* * *

Инна сразу и не поняла, что произошло. Поезд резко трянуло, и на неё градом посыпались стёкла. Погас свет. В уши ударил пронзительный женский крик, запахло палёной тряпкой и гарью. Олег дёрнул её за руку и привлёк к себе. Она перевела дыхание:

– Что это? Что?

– Я не знаю. Похоже, взрыв.

Его голос прерывался пунктирной линией, и становилось страшно, как никогда в жизни. Секунды наслаивались на минуты, подгоняемые стуком сердца. Несколько раз в тёмном туннеле промелькнули вспышки электрических ламп, а потом в глаза сразу хлынул поток света, и поезд со скрежетом затормозил на станции.

В одно мгновение перрон оказался запружен людьми. Едкий дым залеплял глаза и разъедал лёгкие. Инну с Олегом толкали со всех сторон, выдавливая из вагона наружу. Девушка вцепилась в его руку, мешая проходу. Пассажирка рядом была в крови от осколков стекла, но лицо казалось спокойным, словно застывшим в мертвенно-бледной гримасе. Она вслепую пыталась дотянуться до поручня, но рука хватала воздух и бессильно падала вдоль тела. Инна пропустила женщину вперёд себя, с трудом возвращаясь в действительность.

Дверь соседнего вагона была выворочена взрывом и покорёжена. Кругом слышались стоны, крики, плач. Прямо поперёк платформы лежала старуха, и из-под её головы растекалась лужа крови. Инна узнала ту самую бабку, из-за которой они ушли в соседний вагон.

Молодой мужчина выползал на перрон на четвереньках. Его подхватили два парня и повели в сторону, а он тряс головой и быстро бормотал какие-то бессвязные слова. Работ-

ники метро и пассажиры, оказавшиеся рядом, помогали пострадавшим. Прислонясь к колонне, сидела женщина с девочкой на руках. Около них на коленях стоял медик в белом халате.

– «Скорую», врачей! Сюда! Сюда! – на бегу кричала дежурная по станции.

Инна заметила, что по противоположной ветке поезд пролетел станцию без остановки.

Она старалась сфокусировать взгляд: окружающее просматривалось тускло, как сквозь грязную полиэтиленовую плёнку. И хотя ноги подкашивались под коленками, она наклонилась и подала руку старику, который силился подняться.

Подошва поскользнулась на размазанной крови, она обернулась к Олегу:

– Олег, помоги!

Он слабо покачал головой, сжал пальцами виски и необычно тягуче произнёс:

– Я не переношу вида крови. Меня сейчас вырвет.

– Иди, девушка, я сам поднимусь, – прохрипел старик. – А то твой муж сейчас в обморок хлопнется. – Он тяжело поймал ртом воздух и схватился за грудь. – Похоже, у меня рёбра сломаны.

– Инес, мне плохо, – простонал Олег.

Его кожа приобрела цвет пепла, а глаза стеклянно застыли в одной точке. Тяжестью тела он навалился Инне на плечи, и она по-черепашьи потащила его к эскалатору, который работал только на выход. Тревожно переговариваясь, навстречу им спешили медики, полиция, спецслужбы метрополитена. Шум в ушах расширился до противно-истощного визга, словно мокрой ватой заполняя собой всю голову.

Инна постаралась сосредоточиться. Только бы не уронить Олега... Сознание расслаивалось, чётко впечатывая в память мелочи, наподобие пушистого синего хвостика, что вместо брелка болтался на чьей-то сумке, и длинной царапины на чёрной ленте поручня эскалатора.

Удивительно, но она не упала и не сбросила свою ношу в виде обмякшего Олега, а вытащила его на улицу и остановилась, не соображая, что делать дальше.

От столпотворения возле станции метро рябило в глазах, хотя холодный воздух помог: в голове стало проясняться.

– Инес, помоги. Сделай что-нибудь. Вызови такси, мне плохо, – безостановочно стонал Олег.

Инна подпихнула его в спину:

– Потерпи, Олег, давай пройдем чуть-чуть вперед.

Около них резко остановилась машина. Молодая девушка выскочила с водительского места и распахнула дверь салона.

– Вы из метро?

Инна не смогла собраться с силами кивнуть и молча посмотрела в серые глаза незнакомки.

Та поняла её без слов.

– Садитесь, подвезу куда надо. – Инна замаялась, и девушка поняла это по-своему: – Вы не думайте, я денег не возьму. Просто хочу помочь. Как только сообщили о взрыве на станции, я сразу сюда поехала.

Рядом с тротуаром то и дело тормозили машины, подбирая людей, вышедших из метро.

Пока Инна медлила, Олег опустился на заднее сиденье и откинул голову на подголовник.

– Мне на Васильевский. – Вокруг его глаз залегли тени, а рот страдальчески исказился в нервной гримасе. Он медленно посмотрел на Инну: – Я поеду к маме. Потом созвонимся.

Девушка-водитель взглянула на Инну:

– Вы едете?

Инна была так опустошена, что у нее не осталось места для обиды. Она уныло пожала плечами:

– Нет. Поезжайте. – Она прикоснулась к рукаву девушки: – Спасибо вам. Вы очень хороший человек.

Едва машина с Олегом тронулась с места, Инна оперлась ладонями о колени и некоторое время стояла согнувшись, словно ей на шею упала тяжёлая свинцовая гиря и не позволяла распрямиться.

* * *

Домой Инна доехала на такси. Пожилой шофёр с седыми висками, взглянув на её лицо, протянул носовой платок, чтобы она могла вытереть кровь с рассечённой брови, и не взял денег за проезд. Позже она узнала, что многие таксомоторы работали бесплатно, а автомобилисты до поздней ночи развозили по домам горожан, оставшихся без метрополитена.

Выйдя у своего подъезда, она испытала на себе то состояние, когда говорят, что «не держат ноги». Некоторое время стояла столбом, а когда сделала шаг вперёд, ноги подогнулись в коленках, и она неловко сползла по стенке на корточки.

– Инна? Ты что, заболела?

Подняв взгляд к соседке, Инна помотала головой:

– Всё нормально. Я просто упала.

С соседкой Анной Ивановной следовало держать безопасную дистанцию, иначе не избежать длительной беседы об успехах её детей, внуков, племянников и о любимой собачке по кличке Лютый. Сам Лютый сейчас сидел под мышкой у хозяйки и испуганно пучил глаза, похожие на ягоды переспелого крыжовника.

– Упала? Вижу, что и куртку изорвала.

Инна перевела взгляд на посечённую осколками ткань новой куртки, из которой торчали ключья подкладки. Не оттесни их старуха от вагона, где произошёл взрыв, то... От ужаса тело стало неповоротливым и тяжёлым. В памяти качнулся перрон метро, залитый лужами крови, глаза, лица, покорёженная дверь вагона.

Чтобы не завывать в голос, Инна стиснула зубы и резко поднялась, удивляясь, откуда у нее взялись силы.

Анна Ивановна семенила рядом и горячо рассказывала:

– Вот я недавно упала! Ты не представляешь! Полезла на антресоли, а ножка у стула возьми да и подломись...

Под назойливый говор Анны Ивановны лифт до четвёртого этажа полз целую вечность, и, когда Инна достала ключи, её пальцы тряслись так, что она не сразу попала в замочную скважину.

– Инна, не закрывай дверь, я сейчас занесу тебе пирожки, – торжественно сообщила Анна Ивановна, – и заодно поделюсь рецептом теста.

– Нет! Ни в коем случае! – почти с ненавистью закричала Инна. – Я устала и немедленно ложусь спать!

– Ну, как знаешь, – с обидой сказала Анна Ивановна, и собачка Лютый угрожающе заворчала из-под её могучей руки.

Не найдя в себе сил попрощаться с соседкой, Инна с облегчением переступила родной порог, а потом закрыла все замки и неизвестно зачем подпёрла дверь круглым кожаным пуфиком, что обычно стоял напротив зеркала.

«Дома. Я дома. И я жива. – Она провела ладонями по стене, словно проверяя полноту ощущений. – Я не лежу в морге с расколотой головой, меня не собирают по кускам с перрона метро, и мои ноги и руки целы и работают. Жив Олег, мой жених, и скоро мы поженимся. Но ведь могло бы быть по-другому».

Мрак внезапно заволок разум тёмной волной с остро-кислым запахом страха. Она всё-таки заплакала, громко и горько, размазывая по щекам обильные слёзы. Руки сами потянулись к телефону и набрали номер Олега. Как он доехал? Ей отчаянно захотелось услышать звуки его голоса с чуть насмешливой интонацией, от которой по сердцу разливалась тёплая волна любви и нежности.

Но по телефону откликнулся не Олег, а его мама.

– Инна! – Нервные интонации голоса Марины Евгеньевны звенели негодованием. – Ты понимаешь, что ты натворила?! Ты чуть не убила моего сына! Я не знаю, почему тебе пришла в голову эта дикая мысль – поехать на метро!

– Но я не...

Инна попыталась возразить, что поехать на метро предложил Олег, и вообще, она позвонила, чтобы узнать, как он себя чувствует, но Марина Евгеньевна не давала ей вставить ни единого слова.

– Вообще, Инна, после всех ужасных событий Олегу требуются отдых и реабилитация. Завтра я запишу его к психотерапевту, а пока мы с отцом решили отправить его на дачу. Там он скорее придёт в себя.

Монитор телефона потух вместе с оборвавшейся речью Олеговой мамы.

Чувствуя себя побитой собакой, Инна прошла в комнату и упала на диван, успев удивиться, почему потолок вдруг покачнулся и поехал куда-то вбок, в сторону окна, откуда доносились весёлые крики ребятишек с детской площадки.

Уездный город Успенск, 1886 год

– Ну, Марфа Афиногеновна, пора. Поехали с Богом, в час добрый да во святой.

С тех пор как умер батюшка, управляющий Коломыйкин величал её только по имени-отчеству и всем дворовым велел не вздумать по старой памяти назвать её барышней или, упаси Бог, Марфенькой. Она теперь всему отцовскому богатству голова, ей почёт и уважение как купчихе первой гильдии. Сам Коломыйкин был назначен батюшкой душеприказчиком, крепко держа в руках бразды правления имуществом движимым и недвижимым. Из всего богатства своей Марфа считала лишь резвую лошадку Зорьку, запряжённую в рессорный экипаж английской работы.

Зорьку тятя купил на большой ярмарке, чтоб угодить дочери к шестнадцатилетию. Каурая тонконогая лошадка была так хороша, что нянька Лукинична не удержалась от восторга:

– Ай да красавица! Такую да в приданое – цены не будет! – Под суровым взглядом Афиногена Порфирьевича нянька осеклась, ровно жжёный блин со сковороды проглотила, потому что в доме Беловодовых о приданом не упоминают, точно так же, как в доме больного не принято говорить о покойниках. Хотя женихов вокруг Беловодовых крутилось можно зерновой лопатой грести (а то как же при таком-то богатстве!), Марфа с малолетства знала, что замужем ей не бывать, потому как сватаются к ней только ради приданого.

– Никому тебя не отдам, убогую. На беловодовскую казну охотников много, но только тебе с таким мужем не жизнь: капитал промотает, тебя в камору замкнёт, а сам с какой-нибудь бабой жировать будет на мои кровные денежки. Запомни, Марфушка: помру – всё тебе оставлю, Коломыйкин приглядит за порядком не хуже цепного пса. Ты его не обижай, он верный мужик, ты за ним как за каменной стеной будешь, – много раз говаривал тятя, тяжёлой рукой оглаживая дочь по голове.

Пальцы у тяти были толстые, тёплые и слабо пахли душистым мылом, что варили на собственной мыловарне. Работницы заворачивали каждый брусочек в вощёную бумагу, перевязывали красной ниткой и клеили тиснёную печать в знак отменного качества.

Кроме мыловарни, купец Беловодов владел стекольным заводиком, который выпускал стаканы и бутылки мутного зеленоватого стекла. Маленькая Марфушка любила играть оплавленными стёклышками, похожими на подтаявший лёд. Наезжая с проверкой на завод, тятя обязательно набирал для неё гостинцев, а однажды привёз стеклянного петуха с красной бородкой

и пёстрыми крыльями. Упакованный в деревянную стружку петух загодя отправился в новый загородный дом, туда, куда сейчас ехала и она сама.

– Марфа Афиногеновна, тут всего двадцать вёрст. И не заметим, как долетим, – успокаивающе произнёс Коломыйкин.

Он улыбнулся краешками рта, и его лицо, изрезанное морщинами, слово бы ожило от такой малости. Коломыйкин помог Марфе забраться в экипаж и уселся рядом.

– Вы уж не серчайте на батюшку, он хотел как лучше. Чтобы городским кумушкам повода для сплетен не давать. Сами знаете, каковы бывают злые языки.

Не отвечая, Марфа кивнула: конечно, она знала! Она всё про себя знала и понимала. То, что она не такая, как все остальные дети, осознала годам к пяти, тогда ещё была жива матушка. Та любила привечать всяких странников и даже построила для них странноприимный домик в конце улицы, у реки. Хотя в господский дом странникам ходу не давали, иногда они просачивались во двор, чем гневили хозяина, который считал их побирушками и лентяями.

...В тот день Марфушка возилась на крыльце с куклами. Накануне тятя подарил ей новую «дочку», да не одну, а с целой коробкой нарядов. А там... Платья, юбки, бусы, туфельки, щётки! Были даже игрушечное зеркальце и совсем маленькая куколка – кукла для куклы. Марфушка усаживала куклу пить чай, когда вдруг откуда-то из-под руки высунулась сморщенная старушечья мордочка и глянула ей в лицо.

– Ой, милая! Да ты никак порченная? Така страшенькая! Да никто тебя с заячьей губой замуж-то не возьмёт! Никто не позарится. Бедная ты бедная! Добреду до Лавры Киевской, помолюсь, чтобы тебя поскорее Господь прибрал.

Марфушка не поняла, что непонятные старухины причитания относятся к ней. Она стянула куклу с кукольного стула, прикрыла её своим телом, чтобы старухе не вздумалось отнять её новенькое сокровище, и заревела в голос:

– Мама! Мама!

На Марфушкин истошный крик из дому выскочила простоволосая няня, прибежала мама, из окна высунулась горничная Маруся. Няня стащила старуху с крыльца и погнала взащей короткими злыми толчками:

– Кыш, ведьма проклятая! Ишь что удумала – ребёнка пугать!

Марфе запомнилось мамино лицо, серое, как льняные холстины, что бабы сперва бучат³, а потом отбеливают на снегу по весне.

И то, как старательно мама отводила глаза в сторону на вопрос о заячьей губе.

Поздно вечером, при свете лампы, Марфушка догадалась посмотреть на себя в кукольное зеркальце, потому что единственное зеркало в доме висело очень высоко, куда Марфушка не могла дотянуться. Кукольное зеркальце сначала отразило круглые любопытные глаза, потом нос, перекошенный на одну сторону, и затем...

Ужас, охвативший её тогда, сидит в глубине души до сих пор. «Неужели это я?» Дрожащим пальчиком Марфушка водила по глубокому шраму, который корявой стрелкой сбежал от крыльев носа и перетекал на раздутую губу. Она вдруг вспомнила руки доктора, тихие слёзы мамы и густой бас отца, говорившего, что на всё воля Божия.

Чтобы дочурка не заскучала, отец нанял для неё самых лучших учителей, и к семнадцати годам Марфа свободно говорила по-французски, легко справлялась с математикой, любила читать и умела играть на рояле, выписанном из Санкт-Петербурга от самого поставщика Императорского двора господина Беккера.

³ Бучить бельё – кипятить в щелоче для очистки.

«Собой нехороша, зато умом Бог не обидел», – уверяла Лукинична. От нянькиных утешений становилось только горше и хотелось уговорить Боженьку сделать так, чтобы она стала красивой, пусть даже и глупой. Но время шло, красоты не прибавлялось, и она привыкла смиряться, хотя по ночам порой накатывала такая тоска, что хоть в петлю лезь. Но про то Марфа никому не рассказывала.

Погода для поездки выдалась прекрасная. Оставляя позади город, экипаж покатила по лесной дороге, насквозь пронизанной золотыми нитями солнечных лучей. Янтарные стволы сосен сменяли белизна берёзовых рощ и зелёное рядно молодой травы на лугах. По лесной тропке гуртом шли несколько баб с корзинами. Марфа подумала, что легко поменялась бы с любой из них своим богатством на то, чтоб иметь семью. Но лучше о таком и не мечтать, не рвать душу понапрасну. Она повернулась к Коломыйкину:

– Архип Иванович, купи, пожалуй, акции чугунок. Я читала в «Ведомостях», что начинают тянуть ветку до самого Нижнего Новгорода. А там ярмарка, сам понимаешь, дело верное.

– Сделаем, Марфа Афиногеновна. – Коломыйкин кашлянул. – А что прикажешь делать с векселями купчихи Бобовниковой? Чую, они скоро станут дешевле бумаги, на коих писаны. Надо бы предъявить к оплате, пока не поздно. У Бобовниковой лесок есть неплохой, можно попробовать поторговаться мирно. Рядом река, хорошо бы лесопилку поставить.

Марфа закуталась в кружевную мантильку со стеклярусной бахромой. По сарже простого дорожного платья скользили пятна света и тени от крон деревьев. Казалось, что от птичьего щебета колышется воздух.

– Бобовникова... – Она задумчиво потербила стеклярус, блеснувший красными огненными искорками. – Бобовникову не трогай. Пусть векселя лежат до поры до времени.

– Но ведь прогорят деньги-то, а они на деревьях не растут, – возразил Коломыйкин.

– Пусть прогорят. Бобовникова ведь с малолетними детьми вдовой осталось. Не хочу по миру их пускать, брать грех на душу.

Коломыйкин резко дёрнул кустистой бровью:

– Воля твоя, Марфа Афиногеновна, только та самая Бобовникова о тебе злое говорила...

– Знаю, – отозвалась Марфа, – наслышана, что я собачьей шерстью до бровей заросла и что у меня козьи копыта вместо ног. Мне Лукинична все сплетни приносит. Пусть брехня Бобовниковой остаётся на её совести, а я свою марать не хочу.

– Язык бы отрезать твоей Лукиничне, – буркнул Коломыйкин и сурово насупился.

Марфа примирительно склонила голову:

– Ты вот что, Архип Иванович. Говорят, что городская управа задумала сиротское училище строить, так сделай взнос тысяч пять от своего имени. Хочу похлопотать, чтоб тебя в почётные граждане вывести. Как думаешь?

– Премного благодарен. – Архип Иванович склонил голову. – Не сомневайся, отслужу честь по чести.

– Да я и не сомневаюсь.

Лошадка Зорька без натуги преодолела крутой подъем, и с горки показалась крыша особняка с треугольным портиком над главным входом. Коломыйкин привстал с сиденья:

– Обозревай владения, Марфа Афиногеновна. Батюшка, Царствие ему Небесное, наилучших архитекторов приглашал, чтоб тебе потрафить. Глянь, красота какая! В именице и прудик есть с карпами, и липовая аллея посажена. Прислуга нанята, нянька Лукинична со вчерашнего среди них порядок наводит. Встретим тебя хлебом-солью, как полагается новой хозяйке.

«Жаль, через порог тебя перенести некому», – подумал он про себя, но тут же отогнал глупую мысль и принялся подсчитывать, сколько прикупить акций железных дорог, чтоб не остаться внакладе.

Санкт-Петербург, 2017 год

Когда в жизни происходит нечто страшное, кажется, что хуже быть уже не может. Оказывается – может. То, что взрыв в петербургском метро, из которого она вышла с одной царапиной на брови и рваной курткой, переломил судьбу пополам, Инна осознала после того, как целый день не могла дозвониться до Олега. Его телефон упорно находился вне зоны действия. С одной стороны, грызла обида, что жених не интересуется её состоянием, а с другой – нарастала тревога, вскоре заполонившая собой все мысли и чувства.

Трясущимися руками она заправляла кофеварку, но кофе выпить забывала. Выливала его в раковину и снова засыпала зёрна в кофемолку. Телевизор и интернет безостановочно транслировали новости о взрыве на перегоне у станции «Технологический институт». Комментаторы наперебой рассказывали о количестве погибших и раненых, обсуждали предположительного террориста – интеллигентного молодого человека в очках и с рюкзаком за плечами. Вновь окунуться в прошедший день представлялось невыносимым. Хотелось заснуть, провалиться в освежающий сон и проснуться в позавчерашнем дне, бодрой и отдохнувшей. Но стоило закрыть глаза, как мысли резво бежали вниз по эскалатору и приводили на платформу метро к той самой старухе, что своим недовольством спасла жизни им с Олегом.

Телефон будущей свекрови тоже молчал. Ближайший друг Олега – Павел Лукьянов – невнятно ответил, что Олежка, наверно, ещё не отошёл от шока, потому что в конторе его нет и сегодня не ожидается. Инне казалось, что тревога смотрит на неё из всех углов и злобно скалит зубы. Воображение рисовало вытянутую морду горгульи с острыми клыками и прищуренными глазами хищника в ожидании жертвы. Некстати вспомнилось, что проездом по Испании она однажды сфотографировалась в обнимку с горгульей. «Говорят, фотографироваться с нечистью – плохая примета», – написала в ответ подруга, когда Инна сбросила ей в сообщении забавный снимок. Тогда она не придавала значения словам Наташи, но сейчас почему-то вспомнилось. Это произошло год назад в Барселоне, ещё до знакомства с Олегом. Она стояла в толпе туристов и делала вид, что не замечает пристального взгляда высокого иностранца в мятой панаме. Он оторвался от группы англичан во главе с гидом и встал рядом с ней.

– Красиво, правда?

Не отвечая, Инна пожала плечами.

Он не отставал:

– Вы в первый раз в Барселоне?

Его голос звучал со спокойным дружелюбием, и Инна удостоила его взглядом:

– В первый, а вы?

– Я тоже в первый.

– Питер, не отставай! – закричали ему из группы.

Питер досадливо отмахнулся рукой:

– Идите, я догоню. – Он переступил с ноги на ногу и застенчиво улыбнулся: – Вы откуда?

– Из России.

– О, Достоевский, Чайковский, балет.

«Ещё скажи матрёшка и балалайка», – мысленно довершила Инна. Но англичанин не стал продолжать ассоциативную цепочку, а внезапно предложил:

– Давайте я вас сфотографирую. Вы будете прекрасно смотреться в обнимку с горгульей.

И дёрнула же нечистая согласиться! Лихорадочно пролистав фотоальбом в смартфоне, Инна удалила снимок и несколько минут сидела в оцепенении, бездумно уставившись в пространство по ту сторону окна.

Её дом с просторной трёхкомнатной квартирой считался элитным, зато напротив, границей между двумя мирами, располагалась унылая серая панелька с обшарпанными стенами. Женщина на балконе спокойно развешивала бельё, и Инна подумала, что легко поменялась бы с той квартирами, лишь бы рассеялась тягучая неизвестность, которая высасывает силы и нервы. Стискивая кулаки, она кругами бродила по квартире, то и дело загадывая: «Он позвонит, когда я сделаю сто шагов». «Он позвонит, если под окном проедут десять синих машин».

Шаги отсчитывались, машины проезжали, а телефон мёртво темнел потухшим экраном.

Смартфон ожил ближе к семи вечера. Звонил Павел, друг Олега. У Инны внезапно пересохло во рту, и она едва смогла вымолвить короткое «да».

– Инна, я даже не знаю, как сказать. – Голос Павла звучал с пугающей стёртостью речи.

Инна замерла, и динамик донёс судорожный вздох Павла, словно он бежал стометровку.

– Инна, Олег погиб. Несчастный случай.

Инна стиснула телефон в руке:

– Не может быть! Это какое-то недоразумение!

Сказанное не укладывалась в голове, и она по инерции спорила, убеждая Павла, что он ошибся.

Он долго молчал:

– И ещё одно. Ты на Олегову маму не обижайся, у неё сейчас весь мир рухнул, так что пойми правильно. – Он мямлил, тянул время и наконец выдал суть: – Марина Евгеньевна поручила мне передать, чтоб ты не появлялась и не звонила. Она не хочет тебя видеть.

Ах, вот в чём дело! Инна отключила телефон и зло скривила губы. Теперь всё понятно. Олег, конечно, жив-здоров. Под предлогом психологической реабилитации жениху ограничили связь или отправили его за границу, а невесте сказали, что умер, чтобы отвязаться ради более удачной партии. Обычное дело, если судить по книгам или телесериалам. Надо поехать домой к Олегу и расставить точки над «i».

Она сгрэбла с вешалки куртку, вспомнила, что целый день пробродила по квартире в пижаме, спешно переделась в то, что попало под руку, и открыла приложение для вызова таксомотора.

* * *

– Вы слышали про взрывы в метро? Ужас! По радио сказали, что у них уже есть подозреваемый. Вы не против, если я прибавлю громкость?

Таксист разговаривал без перерыва. Его болтовня хотя и раздражала, но перебивала страшные мысли об Олеге, от которых делалось худо до тошноты. Из Купчино до Васильевского острова по пробкам ехать около часа.

На площади Труда взгляд зацепился за арку Новой Голландии, сумрачно и таинственно повисшую над водой Адмиралтейского канала. В детстве Инна представляла, что внутри находится сказочное королевство, куда нет доступа посторонним. Сейчас там общественное пространство с зимним катком, ресторанами, кафе и уютными скамейками, где хорошо сидеть вдвоём и любоваться танцем снежинок в свете ночных фонарей. В выходные в Новой Голландии так много народу, что машину приходится парковать за несколько кварталов.

С Благовещенского моста, сквозь кружево чугунного ограждения, открывалась перспектива Невы с тёмной весенней водой, в которой золотыми бликами отражались купола огромной церкви Успения Пресвятой Богородицы. По мере приближения к точке назначения Инна всё крепче и крепче сжимала кулаки, пока не поняла, что не может разогнуть пальцы.

Четырёхэтажный дом старой постройки, где жил Олег, слабо отсвечивал розовым светом закатных лучей. Снег везде сошёл, и будущие клумбы влажно топорщились оттаявшей землёй. Весной здесь высаживали алые гроздья гераней в окаймлении нежной зелени травяного бордюра. Собственную придомовую территорию перегораживал шлагбаум, чётко обозначавший статус элитной недвижимости в самом дорогом районе города.

У подъезда Олега стоял Павел и курил. В коротком пальто с небрежно накрученным на воротник длинным шарфом он выглядел бы записным щёголем, если бы не озабоченное выражение лица с усталым потухшим взглядом.

– Ты всё-таки приехала?

Инна посмотрела ему прямо в глаза:

– Да, приехала, потому что я тебе не верю. Олег спасся во время взрыва не для того, чтобы умереть. И если его мать думает, что своим обманом может разлучить нас, то она ошибается. Мы любим друг друга и будем вместе!

Олег покрутил сигарету в пальцах:

– Похороны в пятницу в двенадцать дня в крематории.

Небо обрушилось на голову и плечи, белой спиралью закрутив дома, деревья с голыми ветками, окна с бликами электрического света. Чтобы не упасть, Инна двумя руками схватилась за Павла и повисла на нем всей тяжестью тела. Дышать, надо дышать. Глубоко и ровно. Она несколько раз жадно схватила ртом воздух.

– Как он погиб?

Павел отбросил сигарету в сторону и хрипло ответил:

– Утонул.

Слова поразили своей нелепостью.

– Утонул? Как? Где?

Она не слышала своего голоса, но оказалось, что её горло в состоянии воспроизводить связные звуки.

Павел пожал плечами:

– Ужасная трагедия. Не хотел тебе говорить, но всё равно кто-нибудь проболтается. – Он поёжился, натягивая шарф на подбородок. – Олег уехал отмечать своё спасение на дачу, похоже, хлебнул лишнего и пошёл купаться в бассейн. Наверно, поскользнулся и ударился затылком о плиточный пол. Ну, а дальше... – Он крепко взял её за локоть и подвёл к машине. – Садись, я отвезу тебя домой, здесь тебе делать нечего.

* * *

Как бы ни противилась мать Олега, Инна приехала в крематорий ровно к полудню и всю церемонию каменно простояла позади всех, не проронив ни единой слезинки. Слезы закончились сразу, едва смерть Олега окончательно поставила жирную точку на её неудавшейся судьбе. Ей казалось удивительным, что город продолжает жить своей жизнью, что люди смеются, на детской площадке играют дети, что певцы поют, что в квартире наверху собралась шумная вечеринка, а кто-то весело и беспечно пытается отбивать чечётку по гулкому ламинату. Без Олега окружающее представлялось бессмысленным, словно она шла по безводной пустыне, а с каждым шагом горизонт отодвигался всё дальше и дальше, пока окончательно не пропал в мареве пыльной бури.

Инна видела, что мать Олега её заметила, но не подала виду и сразу кинулась поправлять ленты на траурном венке.

Самой Инне было, в сущности, безразлично, кто и что о ней подумает. Гроб не открывали. Лакированный ящик с золочёным позументом стоял на возвышении, укрытый грудой цветов. Распорядитель церемонии с фальшиво-скорбной миной произносил длинную монотонную речь о том, каким замечательным человеком был покойный и сколько он мог бы превратить планов, если бы жестокая смерть не оборвала его жизнь на взлёте.

Стоящая впереди девушка шёпотом жаловалась подруге, что ей жмут туфли. Пожилой дядечка справа исподтишка положил в рот пластинку жвачки и активно задвигал челюстями. Жена пробурчала ему что-то сердитое, но он отмахнулся от неё как от назойливой мухи.

Инна боком выскользнула из зала и опустилась на скамейку в закутке за колонной. То, что лежало в гробу, за дверью зала уже не являлось её женихом с тёплыми руками и волной пшеничных волос надо лбом. Скоро его лёгкое дыхание вместе с копотью дыма улетит в небытие и без следа растает в весеннем воздухе.

Обстановка в крематории походила на ту, что бывает во Дворце бракосочетания. Толпы людей с цветами, негромкие разговоры. Двери зала открываются.

– Приглашаются Беловы. Прошу не задерживаться.

Церемония, музыка, выход в другой коридор. Двери снова открываются.

– Приглашаются Ивановы...

Отличие было лишь в тёмной одежде и безнадежных взглядах близких родственников. Но и на свадьбах так бывает.

Прикрыв глаза, Инна попыталась вспомнить лицо Олега, когда он делал ей предложение, и машинально покрутила на пальце помолвочное кольцо с бриллиантом из Амстердама. Олег сердился, если она забывала его надевать.

– Зая, ты пойдёшь на поминки? – вклинился в размышления высокий женский голос с мягкой протяжной интонацией южнорусского диалекта.

– Нет, мне надо на работу, – отозвалась та, которую назвали Заей. – А ты? Ты ведь Олегу вроде бы родственница.

Высокий голос фыркнул:

– Им бедные родственники из провинции не нужны. Кстати, ты видела Олегову невесту? Такая стройная блондиночка в тёмно-синем платье? Она у двери стояла. Вроде бы Инна. Олег мне недавно фото присылал, где они вдвоём в обнимочку.

– Не обратила внимания. Я вообще не люблю всякие похороны. И сейчас не пошла бы, если бы мама не заставила. Если помнишь, они с Мариной Евгеньевной давние подруги. – Женщина сделала паузу. – Я и не знала, что у Олега была невеста.

«Была... Именно что была», – с горечью подумала Инна, боясь пошевелиться, чтобы не выдать своего присутствия.

– Олечка, видать, к этой Инне сильно прикипел, – сказала первая женщина после непродолжительного молчания. – Он обычно матери никогда не возражал, а тут пошёл наперекор. Мать ему давно другую невесту приискала с папой-миллионером, чтоб, значит, слить капиталы. А Олег ни в какую. Он мне звонил поздравить с Восьмым марта и жаловался, что родители поедом едят из-за свадьбы. – Она всхлипнула. – Ужасная, нелепая смерть.

– Я слышала, Олег на радостях, что остался жив после взрыва в метро, напился в стельку. Говорят, пустые бутылки по всей даче валялись, – вставила Зая. – Представляешь, уцелеть в теракте и... – Она оборвала речь и вздохнула. – Знаешь, я когда услышала об Олеге, то сразу подумала, что ему бумеранг прилетел.

– Ты имеешь в виду ту девушку? Она выжила? – быстро спросила первая женщина.

Зая ответила после шуршания целлофана. Наверное, доставала бумажный носовой платок.

– Выжила, но осталась инвалидом. Божия мельница мелет медленно, но верно.

Какой ещё случай? Какая девушка? Разговор двух незнакомок принял столь неожиданный оборот, что Инна подалась вперёд, боясь пропустить хоть слово. Но женщины прекратили разговор. Высунувшись из своего убежища, она увидела две удаляющиеся фигуры и, не отдавая отчёта в своих действиях, побежала за ними.

Народу в вестибюле набралось порядочно. Цветы, слёзы, тихие разговоры, тёмная одежда и запахи – отвратительный цветочный запах, забивающий ноздри.

Она догнала женщин по дороге к автобусной остановке:

– Пожалуйста! Стойте! Подождите! – Остановившись, женщины посмотрели на неё с изумлением. Девушка перевела дух:

– Я Инна, невеста Олега. – Она смешалась. – Была невестой. Вы только что говорили обо мне. И об Олеге. – Одна из женщин, высокая, с роскошными рыжими волосами, смотрела непроницаемо, а другая – плотная и черноглазая – покраснела. – Я не подслушивала, просто случайно оказалась рядом, – стала оправдываться Инна.

– И что вы хотите?

Судя по голосу, черноглазая оказалась Заей.

Инна посмотрела ей в глаза:

– Объясните мне, что за случай вы упоминали. Мне очень важно знать всё об Олеге.

Она и сама не смогла бы сформулировать, зачем спрашивает, но точно чувствовала необходимость собрать любую крупицу памяти о женихе.

Женщины переглянулись. После короткой заминки ответила рыжеволосая:

– Ну что ж. Не вижу необходимости скрывать, хотя о покойниках плохо говорить не принято.

Лёгким движением она откинула со лба прядь волос и скользнула взглядом по рядам бетонных колумбариев с замурованными урнами. Весенний ветер трепал лепестки искусственных цветов около именных табличек. В кронах деревьев драли глотки вороны.

– Пожалуйста, – напредила о себе Инна.

Рыжеволосая наклонила голову набок и медленно произнесла:

– Пару лет назад Олег на переходе сбил девушку. Она получила множественные травмы и долго находилась между жизнью и смертью.

Она замолчала, давая Инне время осмыслить сказанное.

– Но ведь Олега не посадили, у него нет судимости, – возразила Инна, – значит, он не виноват.

– Он был виноват, – резко отозвалась Зая. – Мы все знали, что он виноват. Но родители дали взятку или с кем-то договорились, и Олега признали невиновным.

Обрушившаяся на голову новость застала Инну врасплох. Она по-бабьи прикоснулась ладонью к щеке и сбивчиво спросила:

– А где сейчас эта девушка? Как её зовут?

– Больше мы ничего не знаем, – ответила за двоих Зая. – Мы и так сказали тебе слишком много.

Небеса всё-таки решили заплакать, и серые тучи над крематорием разразились мелким холодным дождём. Женщины ушли на остановку, а Инна достала телефон и вызвала такси, потому что никакая сила не заставила бы её вновь спуститься в метро.

* * *

С силой жажнула входная дверь, и по длинному коридору раздался топот копыт соседки. У соседки, конечно, были ноги, но громыхла она гораздо крепче лошадей в крытом манеже на ипподроме. Правда, сама Анфиса теперь тоже ходит шумно, потому что одна нога короче другой, и как ни старайся ступать ровно, нет-нет да стукнешь подошвой о пол. В кроссовку она вложила ортопедическую стельку, но на вторую стельку в тапки денег не хватило, а не будешь же дома ходить в уличной обуви. Вот и приходится хромать в полторы ноги до кухни в дальнем конце огромной коммунальной квартиры.

Сквозь чисто вымытое стекло в комнату заползал туманный весенний вечер. На противоположной стороне улицы мягко светились квадраты окон, за которыми размытыми силуэтами мелькали тени.

Анфиса подумала, что пора попить чаю на ужин, но не хотелось идти в кухню, поэтому она разломила сушку и снова взялась за книгу. Телевизора она не имела, шариться в интернете считала бесполезным занятием, зато книг в съёмной комнате оказались целые груды.

Анфиса подумала, что про книгу нельзя сказать «вещь» или «предмет». Книга – это нечто особое, волшебное, то, что имеет власть силой слова изменять ход мысли или даже саму жизнь. Казалось бы, ничего хитрого: бумага, буквы, слоги, а начинаешь читать – и понимаешь, что душа умеет перемещаться в пространстве и во времени.

– Это всё на выброс, – сказала хозяйка при сдаче комнаты. Она указала на стопки книг, перевязанных бечёвкой. – Будет время, вытащи на помойку. Остались от старого хозяина. Здесь какой-то одинокий старичок жил, вот и захламил жилплощадь.

– Конечно, выброшу, – горячо пообещала Анфиса, жадно скользнув взглядом по пыльным корешкам. Само собой, выбрасывать книги она не собиралась и сразу же посчитала их даром судьбы за пережитое в последний год.

Съёмная комната была малюсенькой, всего десять метров, зато арендная плата невысокая. Благодаря тому что хозяйка не драла три шкуры, стояла очередь из желающих жить в клоповнике, представляющем собой кишку коридора с дверями по обе стороны, один туалет на девятерых жильцов и огромную полутёмную кухню с тремя газовыми плитами и ржавой раковиной. Анфиса считала, что ей повезло заполучить комнату, – пусть удобства минимальные, но зато неподалёку шумный Невский проспект, станция метро «Чернышевская», Таврический сад и тихие узкие улочки с восхитительными названиями: Кавалергардская, Захарьевская, Фурштатская, Потёмкинская, Очаковская...

Если пройти от дома чуть подальше, то в перспективе Шпалерной улицы застывшей музыкой вырастет бело-голубой Смольный собор, глядя на который Анфисе всегда хотелось восторженно заплакать от безупречности и выверенности его линий, достигающих полной гармонии с петербургским небом.

За стеной внезапно раздалась истошные вопли нескольких мужских голосов. Анфиса вздохнула. Сосед обожал включать телевизор на полную громкость и смотреть политические ток-шоу, где участники передач почему-то всегда орал громче, чем торговки на базаре. Приплачивают им за крик, что ли?

Заданный самой себе вопрос повис в воздухе, растворяясь в понимании, что любая убогая коммунальная обстановка в сто раз лучше, чем отдельная квартира матери, где она третья лишняя. Здесь, в коммуналке, на своих, пусть и арендованных, квадратных метрах нет ни отчима с пивным животом и наглыми глазами, ни заискивающего тона матери, постоянно извиняющейся перед отчимом за крохотную хрущёвку и за «хвост» в виде взрослой дочери, которая никак не съедет, чтобы жить самостоятельно. Так сложилось, что Анфиса всегда чувствовала себя ненужной, мешающей матери жить спокойно и счастливо.

В детстве Анфиса постоянно болела, и мама, утирая слёзы полотенцем, часто горько упрекала:

– Не могу нормально заработать! С одного больняка снова на больняк. – «Больняками» мама называла больничные листы. – Да я на юг ни разу не ездила! В Турции не была! В одних джинсах два года хожу! И всё из-за тебя!

Тогда Анфиса сжималась в комок, стараясь стать как можно меньше ростом, а лучше юркнуть в мышиную норку и лишь иногда выбираться оттуда во двор поиграть с подружками.

В лучшую сторону Анфисина жизнь стала меняться с приходом в школу нового учителя физкультуры Дмитрия Потаповича. Он был молодой, большеголовый и очень весёлый.

Однажды, когда Анфиса неприкаянно сидела на площадке перед школой, он присел рядом с ней:

– А ты почему домой не идёшь? Простудишься.

Стоял декабрь, с неба валил сырой снег, холодом пробираясь за шиворот и леденя пальцы ног.

– Так.

Анфиса неопределённо дёрнула плечом и насупилась. Не станешь же говорить учителю, что мама наказала погулять после школы, потому что у неё будут гости. Под гостями, конечно, подразумевался дядя Юра, который принесёт вина, мама накроет стол и будет сидеть рядом с ним, покрасневшая и весёлая.

Дмитрий Потапович помолчал и стряхнул с её воротника налипшие снежинки.

– Ты ведь из пятого класса, верно?

Анфиса кивнула головой и уточнила:

– Из пятого «Б».

– Это хорошо, что из «Б», – усмехнулся Дмитрий Потапович и неожиданно огорошил: – Знаешь, приходи-ка ты завтра сразу после уроков в спортзал. Посмотрим, что из тебя получится.

К третьему курсу Университета имени П.Ф. Лесгафта из Анфисы получился мастер спорта по лёгкой атлетике и кандидат в российскую сборную на международные соревнования по спринту.

Большую часть времени занимали тренировки, сборы, выезды в спортивные лагеря, и дома она почти не появлялась, к явной радости матери и отчима. Уже была отложена приличная сумма на первый взнос за собственную квартиру, на горизонте маячило предложение стать вторым тренером в Детско-юношеской спортивной школе, а потом всё оборвалось, словно судьба достала огромные ножницы, два раза щёлкнула и перерезала ниточку, на которой висела её жизнь.

* * *

Накануне того рокового дня Анфисе приснился странный сон. Она находится на дне колодца. Как она там оказалась, Анфиса не поняла. Видела лишь влажные цементные кольца, уходящие вверх, и клочок голубого неба над головой. Она пыталась выбраться, царапала ног-

тями зазор между кольцами, ныряла в тёмную воду в поисках выхода, но с каждым движением всё больше и больше погружалась на дно без надежды на спасение.

Проснулась она от частого биения сердца и села на кровати, пытаясь привести мысли в порядок. Спорт приучил её к дисциплине и собранности, поэтому уже через десять минут она выкинула глупости из головы и натянула спортивную форму для пробежки.

Отчим в трусах и майке сидел на кухне и курил, поэтому Анфиса проскользнула в прихожую боком, чтобы не встречаться с ним взглядами, которые с его стороны становились неприлично назойливыми. Мама, как обычно, уже ушла. Она работала продавцом в маленьком магазинчике неподалёку от дома.

Редкий выходной день радовал переливами июльского солнца в листве деревьев и запахом свежескошенной травы на газонах. Вечером предстояло ехать на соревнования в Иркутск, потом команду ждало Подмосковье, а затем снова в Петербург, с тем чтобы окончательно определиться со своим будущим.

Легко оттолкнувшись от мостовой, Анфиса побежала привычным маршрутом по дорожке вдоль железнодорожной ветки Обухово-Товарная. Ветер ерошил короткую стрижку и румянил щёки. Она любила чувствовать на лице тугие струи свежего воздуха и слышать, как мерно шуршит песок под подошвами спортивных кроссовок. С каждым метром тело оживало, наливалось силой и энергией, делая мышцы крепкими и податливыми.

Впереди расстилался день, ясный и расписанный до последней минуты. День, в котором не отводилось места случайности или трагедии.

Анфиса пробежала свои традиционные шесть километров и повернула обратно, на ходу махнув машинисту проезжавшего поезда. Локомотив дал короткий гудок, и Анфиса обрадовалась ему, как старому другу, испытанному временем и общими бедами.

Вся её двадцатилетняя жизнь прошла вблизи железной дороги, вплетаясь в воспоминания запахами мазута и стуком колёс. Она даже «любит – не любит» гадала не на ромашке, а на составах, нетерпеливо высчитывая количество вагонов. Почему-то чаще получалось «не любит», но она признавала это справедливым, потому что занятия спортом оставляли мало времени для знакомств с мальчиками или бесцельных гулянок по городу в поисках приключений. «Всё для спорта – всё для победы, – вбивал в головы тренер. – Влюбляться будете, когда завоюете хотя бы одну олимпийскую медаль».

Анфиса остановилась и сделала несколько вольных движений на растяжку.

Влюбиться очень просто – это как спичкой поджечь листок бумаги. Прогорит и рассылется в пепел. Гораздо труднее поддерживать огонь в костре, чтобы горел ровно и ярко, чтобы пламя не залил дождь, чтобы ветер не раздул его до пожарища. Не спать ночью, вовремя подкидывая дрова в угасающие головешки, и ворошить угли, упрямая клубы дыма и чёрной копоти. Только тогда около костра, как и около настоящей любви, путники смогут согреться и отдохнуть.

Кроме того, Анфиса совершенно чётко осознавала, что некрасива и очередь из женихов за ней не встанет. Она была среднего роста, темноволосая, с крупноватым носом и самыми обыкновенными глазами густо-серого цвета. Ну и пусть не красавица. Спорт приучает достойно принимать и победы, и поражения.

Под лёгкий бег хорошо думалось и привольно дышалось. Она улыбнулась зелёному оку светофора и ступила на зебру. Больше она ничего не помнит.

Колодец... глубина... мрак... цементные кольца и резкие звуки, гулом отдающиеся в ушах. Звуки то приближались, то удалялись, настырно распиливая черепную коробку.

Она думала, что спорт приучил её не бояться боли, но сейчас всё её тело превратилось в сплошную боль от макушки до пяток. Дёргало руки, болели ноги, винтовая боль зарождалась где-то у основания черепа и по позвоночнику скатывалась вниз, к кончикам пальцев.

«Где я? Упала на соревнованиях?» Сознание возвращалось медленно, по каплям, подавая ве кам импульс открыть глаза. Это оказалась так трудно, словно на лице лежала толща плотно утрамбованной земли.

– Где я?

Женщина в белом халате обернулась и поправила капельницу.

– В больнице. Тебя привезли после аварии и сделали операцию. Ты что-нибудь помнишь?

Анфиса посмотрела на прозрачный мешочек капельницы и перевела взгляд на ногу, подвешенную на вытяжке.

– Нет.

– А своё имя? – не отставала медсестра, мешая снова проваливаться в глубь колодца.

– Анфиса. – Шершавый язык застыл во рту дохлой рыбой. Медсестра живо наклонилась и обтёрла её губы влажной марлей. Девушка с трудом сглотнула: – Мне надо на соревнования, я не могу подвести команду.

– Ирина Максимовна, вы слышите? Наша пациентка собралась на соревнования! – весело воскликнула медсестра, обращаясь к кому-то невидимому.

Заслоняя свет, на Анфису надвинулась крупная фигура врача, и густой женский голос спокойно сообщил:

– О соревнованиях отныне придётся забыть навсегда. Радуйся, что жива осталась. Еле вытащили тебя, милая, с того света. Спасибо, «Скорая» рядом оказалась.

* * *

Первыми навесить прибежали друзья из спортивной команды. Наташили фруктов, цветов, зачем-то мягких игрушек. Назавтра им предстояло ехать на соревнования. Без неё. Пытаясь утешить, девчонки болтали о чём-то несущественном, но беседа постоянно повисала в воздухе, потому что заговорить о спорте никто не решался, а ничего другого не приходило на ум.

– Держись, Низовая, не сдавайся, – пожелал на прощание тренер.

И она послушно кивнула, отчаянно ожидая, чтобы они ушли поскорее и не успели увидеть, как она закусит зубами уголок одеяла, чтобы не завывать в голос.

Держись! Легко сказать! Держаться можно за что-то или на чём-то, например на лодке или, на худой конец, схватиться за бревно. А у неё, кроме боли и отчаяния, не осталось ничего: ни спорта, ни профессии, ни надежд на будущее. Несколько раз в голове мелькала назойливая мысль, что зря «Скорая помощь» оказалась вблизи места аварии, пусть бы лучше раз – и больше никаких проблем в виде унылого полицейского, уверенно объяснившего, что виновата сама, или лошёного адвоката в золотых очках, который дал ей подписать какой-то документ, как оказалось позже – мировое соглашение и отказ от судебного иска.

А ещё приходила мама. Зажав руки между колен, она сгорбилась на кончике стула и тревожно спросила:

– И куда ты теперь с инвалидностью? Насовсем домой вернёшься? Юра говорит, что тогда уйдёт, чтобы нам не мешать. Он боится, что не сможет нас всех прокормить. – Дрожащими руками мама достала носовой платок, высморкалась и спрятала глаза в ожидании ответа.

«Кормить» и «Юра» представляли собой взаимоисключающие понятия. Пока что мама была основной добытчицей в семье, а сама Анфиса благодаря спортивным достижениям ещё в старших классах перешла на самообеспечение.

«Да пусть твой Юра катится колбаской по Малой Спасской в свой Тернополь или откуда он там приехал», – гневом прокатилось в мозгу, но Анфиса сумела удержаться – уж очень жалко выглядела мама с опрокинутым от горя лицом и виноватым взглядом.

Сразу из больницы Анфиса поехала в санаторий, затем в другой. Деньги на реабилитацию утекали как вода в решете, но она обязала себя отставить костыли и подняться на ноги во что бы

то ни стало. Остатков накопленных на квартиру средств хватило на съём убогой комнатухи и на то, чтобы продержаться несколько месяцев на время поисков работы. И сейчас деньги подходили к концу.

Близ уездного города Успенска, 1890 год

С Покрова осень вдруг повернула на мороз. Всю ночь крупными хлопьями крутила метель, укрывая снегом груды опавших листьев. Словно пытаюсь сопротивляться ненастью, лес глухо роптал с неясным жалобным шумом. Кошка пришла в спальню и свернулась в ногах клубком. Малый огонёк лампадки перед иконой освещал вызолоченный нимб Богородицы и играл бликом на железных шишечках кроватных спинок.

Рано утром Марфа сунула ноги в мягкие сапожки, накинула на утреннее платье шлафроку⁴ и вышла во двор пройтись по первому снежку до любимой яблони с ещё не снятыми яблоками.

Яблоню она посадила несколько лет назад, когда приехала в новое имение, испуганная и растерянная. Сперва деревце не желало приживаться и чахло. «Как и я», – с грустью думала Марфа, но по второй весне яблонька вдруг зацвела, да так бурно, розово, весело, словно хотела укорить Марфу за недоверие. Яблоки оказались поздними и силу набирали к первым морозам, зато и лежали чуть ли не до весны – хрустящие и сладкие.

Сорвав яблоко, Марфа покатила его между ладонями и прижала к щеке, вдыхая студёный воздух, еле уловимо смешанный с запахом яблочной осени.

– Марфа Афиногеновна! Да рази ж можно в шлафроке да на холод! Простудитесь, как пить дать простудитесь! – От крыльца отделилась горничная Параша с шубой в охапке и смело ступила в туфлях по снежной дорожке. – Накиньте доху, всё лучше, чем замерзать на ветру.

Марфа послушно позволила надеть на себя шубу. Стало теплее, но волшебство новорождённого утра исчезло, и она пошла в дом: пить кофе, завтракать, заниматься делами и в полном одиночестве слоняться по комнатам, не зная, чем себя занять в минуты отдыха. Дел накапливалось немало – имение требовало хозяйского пригляда. А верный Коломыйкин хоть и вёл дела безупречно, но всё же важные решения они принимали вместе, поэтому следовало просматривать кучу счетов и биржевые ведомости.

⁴ *Шлафроку* – в XVIII–XIX вв. просторная мужская и женская домашняя одежда. В России с XVIII в. вслед за французской модой в «парадном неглиже» – нарядно выглядевших шлафроках – мужчины принимали дома гостей, прибывавших с неофициальным визитом. Женщинам по правилам хорошего тона дозволялось появляться в шлафроках на людях только в первой половине дня, занимаясь хозяйственными делами.

Отдельной стопкой на письменном столе лежали журналы «Нива» и «Русский паломник». В прошлом году Марфа построила приют для солдатских вдов, в этом затеяла амбулаторию с фельдшером для близлежащих деревень. Одна беда – фельдшер запил горькую.

«Буду искать фельдшерицу, – подумала Марфа, – надо дать объявление в газете».

– Марфа Афиногеновна, к вам посетитель! – провозгласила Параша. – Я ему сказала, что надо к управляющему, а вы не принимаете, но он не уходит. Говорит, важное дело.

Марфа поставила на стол чашку недопитого кофе. Фарфор фабрики Гарднера, мелко расписанный ярко-голубыми незабудками, тонкостенно просвечивал на фоне окна наперекор свежему снегу. Взглянув на часы – скоро полдень, – Марфа перевела глаза на горничную.

– Кто таков?

– Не знаю! – Параша запальчиво поставила руки в боки. – Я его прежде никогда не видала. Наверное, из городских. Выгнать?

– Проводи его в кабинет да скажи Семёну, чтоб присмотрел за ним. А сама помоги мне одеться.

Она редко принимала посетителей, но перестала прятаться пару лет назад, враз решив прекратить досужие сплетни, гуляющие про неё по городу. И чего только не выдумывали: и шерстью она заросше, и одноногая, и лысая, и ходить не умеет, а прыгает, точно лягушка, едва ли не квакает.

«Будь что будет. Пусть насмотрятся и замолчат», – решила Марфа, когда приняла приглашение на уездный купеческий бал по случаю тезоименитства императора Александра Третьего. Конец августа успел подкрасить листву на деревьях ярко-жёлтыми брызгами осенних красок, но она едва замечала дорогу до города, сосредоточенно выпрямившись на сиденье новенькой крытой пролётки.

Арендованный зал Дворянского собрания полыхал огнями газовых ламп, в ярко освещённых окнах виднелись светлые платья дам и чёрные фраки кавалеров. То и дело подъезжали экипажи. Несколько барышень чинно восходили на крыльцо в сопровождении дородной матери в атласном платье и жемчугах. Два купца, один из них показался Марфе знакомым, тоекратно целовались при встрече.

В экипаже Марфа перекрестилась и дала себе слово стерпеть любую обиду – Господь не оставит. Она была скромно одета в шёлковое платье палевого цвета с бриллиантовой брошью у плеча и лёгкую газовую шаль, затканную золотистыми нитями в тон платью. Белые перчатки по локоть скрывали натруженные пальцы, потому что Марфа не берегла руки, как изнеженные барышни, а и лошадь могла сама запрячь или обед состряпать, если кухарка занедужит. Она оглянулась на Коломыйкина. Они с женой ехали в соседнем экипаже.

– Марфа Афиногеновна, ты уверена? – спросил он поднятием бровей, когда экипажи поравнялись.

В ответ она кивнула головой:

– Да. Уверена.

Марфа крепко стиснула в кулаке веер из слоновой кости, так что едва не сломала резные пластины, опомнилась и медленно вошла в переполненный зал.

– Госпожа Марфа Афиногеновна Беловодова! – громко провозгласил распорядитель, и глаза присутствующих уставились прямо на неё. В оглушительной тишине взвизгнула и замолкла одинокая скрипка. Марфа стояла недвижимо, позволяя всем рассмотреть своё лицо, иссеченное глубоким шрамом. Минуты безмолвия окатывали тело то жаром, то холодом, но она твёрдо смотрела перед собой, не позволяя испугу взять верх. Перед взором в одну полосу сливались светлое, тёмное, руки, лица, гирлянда цветов на перилах хоров, разодетые девицы на выданье, купеческие сынки с прилизанными на пробор волосами.

– Господин Архип Иванович Коломыйкин с супругой! – выкрикнул за спиной распорядитель, и картинка в зале сменилась на другую, как в волшебном фонаре.

Архип Иванович встал по одну сторону Марфы, его жена Аграфена Никитична по другую, и этот маленький круг друзей защищал её от зла невидимой стеной добра и любви.

По обыкновению, бал открывался чинным медленным полонезом, и тут же нашлись желающие пригласить богатую наследницу на следующий танец.

– Я не умею танцевать, – без жеманства призналась Марфа добродушному толстолобому сыну купца Синепузова. – Батюшка не нанимал мне учителя. Не считал нужным.

– И похвально, Марфа Афиногеновна, – встрял в разговор сухонький юркий старичок в старомодном фраке с золотой цепочкой от часов в кармане жилета. На его лысом черепе торчали большие плоские уши с отвисшими мочками. – Афиноген Порфирьевич зазря ничего не делал. Каждый свой шаг просчитывал. Вот единственное чадушко и не учил всяким глупостям. – Старичок поморщился. – Небось на грамоту велел налегать да на арифметику. Знаю, голубушка, как вы дела ведёте. Восхищён.

– О, Аким Акимович, наше почтение, – пробасил из-за плеча Коломыйкин и расплылся в улыбке. – Вы уж, Аким Акимович, не обижайтесь на госпожу Беловодову, она в лицо никого не знает, зато много о вас наслышана. Кстати, она желала бы прикупить вашу мельницу, ту, что вы давеча выставили на торги.

Деловой разговор успокаивал, заставляя забыть о своём уродстве, да и Аким Акимович красотой не отличался. Главное – его фамилия гремела по всему краю.

Примерно через час Марфа незаметно придвинулась в двери и, когда начался очередной танец, покинула бальную залу. На тёмном небе заморским апельсином висела луна в лёгком кружеве облаков. Прохладный ветер обдувал горячие щёки. Кучер, завидев её, тронул экипаж с места и лихо подкатил к крыльцу.

– Домой, – коротко приказала Марфа.

Откинувшись на сафьяновые подушки, она закрыла глаза и поняла, что её до сих пор трясёт от нервной лихорадки. Руки ходуном ходили. Марфа спрятала их под бархатную накидку и прижала ладони к коленям. Но главное – она переборола себя. Смогла! Выдержала! Не оробела! Дышать стало легко и привольно, словно после мороза зашла в натопленную избу.

И вот теперь незванный посетитель. Все знают, что к Беловодовой надо обращаться через контору в городе.

Когда Марфа вошла в кабинет, между посетителем и няней Лукиничной шла перепалка. Лакей Семён стоял в стороне, предпочитая не вмешиваться.

– Тебе сказали, что госпожа не принимает, – напирала Лукинична. – Надо – напиши письмо да оставь в конторе. Марфе Афиногеновне в тот же день передадут в собственные рученьки! И откель вы берётесь, такие борзые?

– Сударыня, я дворянин! – взвизгнул тщедушный молодой человек с тонкой полоской усов над губой. – Попрошу выбирать выражения и не тыкать.

Няня с посетителем так увлеклись, что не заметили Марфу. Некоторое время она стояла в дверях, пока посетитель её не заметил и едва не подпрыгнул.

– Прошу прощения за визит, многоуважаемая Марфа Афиногеновна, но хотелось бы поговорить, так сказать, тет-а-тет, без свидетелей. – Он кивнул головой на Лукиничну.

– Вот ещё! – запальчиво отрезала та. – Может, ты убивец какой и на хозяйку с ножом бросишься!

– Оставь нас, Лукинична, – утомлённо сказала Марфа. Знала, что нянька всё равно будет подслушивать под дверь. Никакого сладу не стало с ней под старость. Ну да пускай себе тешится на здоровье, лишь бы не приставала с лишними вопросами.

Она подождала, пока за Лукиничной закроется дверь, опустила в кресло, но гостю сестра не предложила:

– Что вам угодно, сударь?

Он одёрнул сюртук и выпрямился:

– Госпожа Беловодова, буду говорить прямо. Я дворянин, Константин Орестович Полупанов-Заруцкий. Наш род известен со времён Иоанна Грозного. – Он поднял глаза к потолку, словно ожидал увидеть на плафоне изображение царя Иоанна Четвёртого с державой, скипетром и в шапке Мономаха.

Марфе показалось, что его усики вытянулись с прямую линию. Она улыбнулась:

– Польщена знакомством, Константин Орестович, но всё же разъясните: что вас ко мне привело?

Она приготовилась выслушать витиеватую просьбу денег и даже прикинула, сколько дать, чтобы выпроводить нахала, но то, что услышала, не лезло ни в какие ворота.

– Марфа Афиногеновна, – гость откашлялся и резко вздёрнул подбородок, – я много слышан о вас: вы дама умная, скромная, уважительная, поэтому я готов дать вам свою фамилию.

От удивления Марфа громко икнула и, наверное, выглядела глупо.

– Готовы что?

Господин Полупанов-Заруцкий порозовел:

– Я готов на вас жениться. То есть прошу вашей руки и сердца.

Он споро поддёрнул правую штанину брюк и опустился на одно колено, едва не сбив на пол жардиньерку⁵ с китайской розой в гарднеровском фарфоровом горшке.

Мужчина картинно протянул вперёд руки и, лавируя туловищем, медленно пополз к Марфе, приговаривая:

– Марфа, милая Марфа, вы станете дворянкой. Подумайте, какая честь для вас. Мы сольём ваш капитал и моё имя...

«Ещё немного, и он схватит меня за ногу», – пронеслось в мозгу у Марфы. Она вскочила и отпрянула назад.

– Семён! Параша! Лукинична!

Дворня нарисовались в дверях в сей же момент – видать, подслушивали втроём. Марфа указала рукой на несостоявшегося жениха:

– Гоните его вон! Да чтобы духу его здесь не было!

– Марфа Афиногеновна, вы пожалеете! Вас больше никто замуж не возьмёт! – орал господин Полупанов-Заруцкий, когда Семён за шиворот волок его по коридору.

Марфа закрыла лицо руками, не зная, то ли плакать, то ли смеяться, но, наверное, лучше плакать, а ещё лучше смириться и принимать судьбу такой, какой она предначертана на Небеси невидимыми словесами.

⁵ *Жардиньерка* – это то же самое, что этажерка для комнатных цветов. Эта изящная представительница декоративной мебели может быть в виде ящика, корзины, столика и т. д.

Санкт-Петербург, 2017 год

Инна не представляла, как жить дальше. Неужели после всего того, что она узнала об Олеге на похоронах, можно по-прежнему есть, пить, смеяться, смотреть телевизор, в то время как где-то существует незнакомая девушка, которую он сделал инвалидом... Она думала о ней постоянно, ощущая на своих плечах чудовищный груз чужой несправедливости. Он придавливал её к земле, не позволяя забыться ни на минуту. Если бы был жив Олег, он наверняка сумел бы оправдаться. Например, объяснить, что ехал очень медленно, едва шевеля колёсами, а девушка была пьяная в зюю и сама кинулась на капот. И что самое поразительное для Инны – она бы ему поверила с дорогой душой, как верят тогда, когда хотят верить. Но во время взрыва в метро смерть придвинулась вплотную и показала, как можно в один миг стать невинной жертвой просто потому, что села не в тот вагон или прошла не по тому пешеходному переходу.

Разговор с женщинами во время похорон прокручивался в мозгу бесконечной лентой, замазывая память Олега тёмной краской и не давая успокоиться.

Инна вылезла из ванны, куда она забралась, чтобы согреться от нервного озноба, натянула шерстяные носки, закуталась в халат и набрала номер друга Олега.

– Павел, это я, Инна.

– Я видел тебя в крематории. – Его голос звучал глухо, как из-под одеяла. – Извини, не подошёл, так как был занят с родителями Олега. Сама понимаешь, приходилось им помогать и поддерживать.

– Я не в обиде. – Инна зябко повела плечами. – Скажи, ты знаешь что-нибудь про ту девушку, которую Олег сбил на машине?

– Кто тебе проболтался? – Его тон стал резким и колким.

– Знаю, и всё. Какая разница?

Она услышала, как Павел зашуршал пачкой сигарет и щёлкнул зажигалкой.

– Ну, был такой случай. Теперь, сама понимаешь, дело прошлое. Спросить не с кого.

– А девушка? Что с ней?

– Понятия не имею. С этим разбирались мама Олега и юрист фирмы. Могу лишь сказать, что иск девица не подавала.

– Паша, я тебя очень прошу, дай мне её адрес.

– Это ещё зачем?

– Надо, – с нажимом потребовала Инна и для верности припугнула: – Если не дашь, я всё равно узнаю. Схожу к вашему юристу, буду звонить Марине Евгеньевне.

– А вот её не трогай! – на высокой ноте взвизгнул Павел, и Инна в очередной раз удивилась, почему он так боится Марины Евгеньевны. Правда, Олег как-то сказал, что Паша метит в первые замы отца, поэтому старается стать в семье незаменимым. Теперь, когда Олега нет в живых, он сумеет воплотить свой план в действительность.

Само собой, Паша соврал, что понятия не имеет про девушку, потому что несколькими минутами позже в смартфон пришло короткое сообщение с адресом.

* * *

– Инночка, третий день не могу до тебя дозвониться. То занято, то ты не отвечаешь. – Мамин голос источал напор и оптимизм. – Как у вас погода? У нас весна во всю мощь. Мы с Йораном съездили погулять в Стокгольм, хотя на пароме изрядно помотало. Ветры ещё большие. Там на пароме я услышала про взрыв в петербургском метро. Какой ужас! Хорошо, что ты не пользуешься общественным транспортом, иначе я бы с ума сошла от беспокойства.

Инна включила громкую связь и положила телефон на диван рядом с собой. Обхватив руками колени, она мечтала оказаться в вакууме, без звуков, без запахов и без мыслей, тёмным клубком ворочавшихся в голове.

– Представляешь, в Стокгольме встретила свою однокурсницу из института. Тридцать лет не виделись, хотя жили рядом, и надо же, где встретились! Она была такая тощая, что её поддразнивали воблиной, а теперь стала толстая как бочка. Мы с ней гуляли по Гамластану и вспоминали, как в нищие студенческие годы покупали одну бутылку молока на троих.

– Мама, Олег погиб.

Мама запнулась на полуслове:

– Не может быть! Как?

– Несчастный случай в бассейне.

Инна чувствовала, что говорит вязко и медленно, но по-другому не получалось.

– Инна, я немедленно к тебе еду. Сколько сейчас? Три часа? – Мама порывисто вздохнула. – Два часа на дорогу до Выборга, потом пару часов до Питера. Ну вот, к восьми успею.

– Мамочка, пожалуйста! Я тебя очень прошу! Умоляю, не приезжай! Я хочу побыть одна.

Она выключила телефон и натянула на голову плед, словно пушистая ткань имела способность отгородить, погасить новую волну горя.

Близ уездного города Успенска, 1893 год

В тишине кабинета хорошо думалось. Марфа любила рабочие часы с аккуратными стопками документов на зелёном сукне письменного стола и запахом типографской краски от свежей прессы, доставленной к утреннему чаю из города.

«Новым управляющим Министерства путей сообщения назначен Сергей Юльевич Витте».

– Это хорошо. Его рекомендуют как дельного человека. Наши акции будут расти. – Марфа отложила газету и взглянула на Коломыйкина. Он вымученно улыбнулся, собирая на лбу складки пожелтевшей кожи. Марфа забеспокоилась: – Да ты здоров ли, Архип Иванович? Может, тебе на воды съездить?

Коломыйкин опустил голову и перебрал звенья золотой цепочки на часах в кармане жилета.

– Не хотел тебя тревожить, Марфа Афиногеновна, да, видно, придётся. Хочу подать в отставку. Сил совсем не осталось, едва ноги волочу. Голова работает, а тело отказывает – видать, старость в бараний рог скрутила. Всею душой рад бы тебе служить, но не могу.

– Как же так, Архип Иванович? Не может быть! Неужели ничего нельзя сделать? Поезжай в столицу, к лучшим лекарям, я всё оплачу!

Марфа взяла руки старика в свои и с отчаянием заглянула ему в глаза.

Он сжал её пальцы:

– Денег у меня и своих хватит, Марфенька, спасибо вам с батюшкой, не обижали заработками.

От того, что он назвал её Марфенькой, как в детстве, стало совсем горько.

– Архип Иванович, умоляю, живи долго. Не бросай меня, пожалуйста.

Коломыйкин протяжно вздохнул:

– Замуж бы тебя отдать, под защиту мужа, но прав был батюшка, когда взял с тебя слово остаться в девушках: если невеста богатая, то на её казну одни вороны слетаются да каждый в уме уже барыши подсчитывает. Им душевная красота не надобна, такие только рады будут тебя в могилу свести и землицей припорошить. Я по городу сразу слух пустил, что за своими дочками большого приданого не дам. Схитрил, конечно, в обиде не останутся, но зато алчные женихи не позарятся. А ты у нас одна из самых богатых девиц в уезде. Был бы жив Афиноген

Порфирьевич, он нашёл бы тебе пару по чести и по сердцу, а так ты сама себе хозяйка, вот тебя и норовит каждый облапошить. Слава Богу, Господь тебя умом наделил, глупостей не наделаешь. А насчёт нового управляющего не беспокойся, я себе наилучшую замену нашёл – не пожалеешь.

Архип Иванович замолчал, вынул часы, щёлкнул золотой крышечкой с затейливой гравировкой, но на циферблат не посмотрел.

– И ещё одно, Марфа Афиногеновна. Даже не знаю, как приступить.

– Значит, скажи как есть. Небось опять плохое?

– Да нет. На этот раз... – Не договорив, Коломыйкин достал из сафьяновой папки длинный конверт и протянул Марфе. – Я взял на себя смелость написать в швейцарскую клинику знаменитому профессору Годе. Он делает операции на лице, и, говорят, очень успешно. В общем, решай сама.

Она решила распечатать конверт ближе к вечеру. Подходила к столу, брала его в руки, перечитывала обратный адрес, написанный жирным готическим шрифтом, и клала обратно на стол. Распутье. Снова распутье. Каков бы ни был ответ от швейцарского профессора, он всколыхнёт всю её жизнь, уже налаженную, выверенную и понятную.

Она вышла в сад, прогуляться к любимой яблоне, осыпанной нежными бутонами. В гуще деревьев переливчато и самозабвенно выводил трель невидимый соловей. Круглая клумба полыхала белыми звёздами нарциссов с ярко-жёлтыми сердцевинками. Природе не было дела до людских тревог и забот. Марфа посмотрела на окно кабинета, за которым её дождалось письмо, могущее изменить её судьбу.

– Господи, помоги и вразуми.

Когда она взяла нож для разрезания бумаг, пальцы чуть дрогнули, и разрез получился кривой. Она заставила себя остановиться, просчитать до десяти и лишь тогда медленно прочитала ответ несколько раз.

Профессор Годе извещал госпожу Беловодову, что благодаря новой методе пересадки кожи с других частей тела и иссечению рубцов достигается отменный результат исправления недостатков на лице. Если имеется необходимость, то профессор даже может исправить форму носа и посоветовать новейшие кольдкремы своего изготовления для поддержания красоты.

Заканчивалось письмо оптимистичным итогом, что всего несколько тысяч рублей (далее следовала сумма, эквивалентная небольшому особняку на окраине столицы) – и ваш профиль станет безупречным!

Марфа зажгла свечи в канделябре, дёрнула за сонетку и приказала принести себе чаю с лимоном, покрепче и послаще.

Иногда нужен не совет, а плечо, в которое можно уткнуться, и руки, что протянут платок вытереть слёзы. Глоток за глотком она пила чай со вкусом одиночества и понимала, что никуда не поедет, никакую операцию делать не станет, – если Господь создал её такой, то так тому и быть. Да и батюшке дано слово не выходить замуж, а без мужа к чему красота?

Допив чай, Марфа кинула письмо из Швейцарии в топку камина и долго смотрела на догорающие поленья, быстро превратившие бумагу в серый пепел. На душе было темно и пусто.

Санкт-Петербург, 2017 год

Анфиса Низовая жила в районе Обухова, в месте, где городские постройки переходят в огромную промзону, застроенную складами, шиномонтажками, проржавевшими насквозь гаражами с кучей сваленных шин и всем тем, что обычно концентрируется на задворках любого мегаполиса.

Навигатор привёл Инну к одинокой пятиэтажке, стоящей за потёртыми судьбой панельными домами. На разбитом асфальте рыбьей чешуёй дрожали лужи. Здесь везде превалировали мрачные цвета, нагнетающие в душу чувство томительной безнадежности.

Она припарковала машину под старыми тополями с лёгким запахом весенней распутицы. Клочок ясного неба на фоне серых облаков казался потерянной девичьей косынкой с разломаченными краями. Закатное солнце яичным желтком болталось между кронами деревьев.

Не спеша выбираться из машины, Инна откинулась на сиденье и подумала, что напрасно решила собрать сведения об Анфисе, которую сбил Олег. Ни к чему грузить себя ненужными связями. У Анфисы своя жизнь, у неё своя, а у Олега уже и вовсе никакой нет.

Хлопнула дверь подъезда, и оттуда колобком выкатилась толстая женщина в оранжевой куртке, напоминающая тыкву на тонких ножках.

«Зачем приехала?» – в сотый раз с тоской задала себе вопрос Инна и вышла из машины. Пока она не дотянулась до дверного звонка квартиры номер семь, оставалась возможность передумать и повернуть назад. На узкой лестнице из подвала несло запахом гнили, способным истребить всё живое. Инна несколько раз громко чихнула; на звуки приоткрылась дверь на первом этаже, и оттуда высунулась остренькая мордочка крохотной старушки. Она подозрительно осмотрела Инну, видимо, сочла её неопасной и снова скрылась.

Анфиса Низовая жила на втором этаже. Инна остановилась в нерешительности: звонить, не звонить... Она посмотрела на свои дрожащие пальцы, которые замёрзли, словно в минусовую погоду. Звонить – не звонить? Нет, она должна реабилитировать Олега, чтобы ничто не омрачало его память. Та женщина сказала неправду, что родители отмазали Олега от наказания. Такого просто не может быть. Да, Олег – лихач и отчаянный водитель, но не подлец. Ей надо собственными ушами услышать о происшедшем, а не полагаться на мнение посторонних людей.

– Здравствуйте. Анфиса дома?

– Из спорткома, что ли?

Открывший дверь лысый мужичок стоял на пороге в одних трусах до колена и недружелюбно кривился.

– Из какого «кома»? – не поняла Инна.

Мужичок зыркнул глазами, видимо удивляясь её тупости:

– И Спортивного комитета, откуда же ещё?

– Нет, я сама по себе.

– А раз сама по себе, то дуй отсюда. Нет здесь Анфисы. Съехала и не сказала куда. – Он звучно поскрёб по лысине. – Вот она, благодарность. Кормили, поили, костыли в больницу привезли, а они, между прочим, денег стоят. Ты что, думаешь, костыли бесплатно дают?

Он с яростью глянул на Инну, требуя ответа. Ошарашенная его напором, она помотала головой:

– Нет, не думаю.

Мужик сощурился:

– А может, ты ей денег привезла? Тогда оставляй, мать, того-этого, передаст.

– Нет у меня ни того, ни этого, – зло сказала Инна, настолько отвратителен показался ей этот полуголый мужик с тугим пивным брюхом и трясущимися щеками.

– А на нет и суда нет. Топай восвояси.

Дверь резко захлопнулась, и до ушей Инны донеслась отборная площадная ругань в её адрес.

«Отрицательный результат тоже результат», – сказала она себе со скрытой радостью, рассудив, что если пострадавшая девушка того же разлива, что и её отец, то, скорее всего, Олег действительно не виноват или почти не виноват.

Лёгкими ногами Инна сбежала на первый этаж и нос к носу столкнулась с грузной пожилой женщиной в коричневом пальто и старомодной фетровой шляпе-пирожке. Женщина с суровым видом поджала губы и внезапно взяла Инну за рукав.

– Ты к Низовым ходила? Я слышала, как их дверь хлопнула.

«Не ваше дело», – хотела отбрить бесцеремонную тётку Инна, но вместо этого сказала:

– Я Анфису ищу.

– Ах, Анфису. – Лицо женщины просветлело, словно улыбка зажгла на нём лучик солнца. – Про Анфису я тебе лучше расскажу, чем они. – Женщина кивнула головой в сторону лестничной площадки. – Им Анфиса всегда мешала, что матери, а уж тем более отчиму. Тот её на дух не переносил. Ещё пока девчонка деньги им подкидывала, терпели, а уж потом... Со свету её были готовы сжить, если бы Фиса сама не уехала. – Женщина в сердцах махнула рукой. – Удивительно, как она ухитрилась при таких иродах хорошей девчонкой вырасти. Ты только подумай – шутка ли сказать – мастер спорта!

– Кто мастер? – тупо переспросила Инна.

Женщина удивлённо подняла брови:

– Так Анфиса же. Мастер спорта по лёгкой атлетике. Бегунья. Ты разве не знала?

– Нет.

– Ну что ты! У неё знаешь сколько призов! Ого-го! И в университете училась на тренера. Бывало, идёт с тренировки, щёки горят. Увидит меня и кричит: «Физкульт-привет, тётя Лена!» А я её пирожком угощу или яблок с дачи отсыплю. Дома-то не накормят как следует. Всё сама да сама. В один день счастье оборвалось. Анфисоньку машина того мажора проклятого как мельница перемолола. Вот почему одни лопатой счастье гребут, а другим достаётся одно горе?

– А может, она сама под машину попала? – дрожащим голосом рискнула предположить Инна.

– Какое там! – Женщина возмущённо фыркнула. – Наш дворник своими глазами видел, как Анфиса стояла на переходе, когда тот подонок выскочил на бешеной скорости.

Инна ахнула:

– Значит, был свидетель?

– Был, да сплыл, – отрубила женщина. – Он не только видел, как нашу Анфисоньку сбили, но и номер машины запомнил, по которому того урода нашли, а потом вдруг уволился и уехал к себе в Узбекистан. И ни номера, ни свидетеля. Понимаешь, в чём дело? Заплатили ему за молчание. – Она вздохнула: – Хоть бы у того мажора, что Анфису сбил, руки-ноги отсохли и очи повылазили! И как только земля носит захребетников, что на мамини и папины деньги жируют? Попробовали бы сами на кусок хлеба заработать, так ить нет! Думает, сел в дорогую машину и царём стал. Только царство его – бумажное: в один миг сгорит и пепел по ветру. Вот Анфиса – настоящий человек, а не шваль с деньгами.

«И пепел по ветру», – повторила про себя Инна, чувствуя подступающую к плечам дрожь. То, что говорила женщина, не могло относиться к её Олегу. Наверняка произошла ошибка и за рулём был кто-то другой. Олег не способен на подлые поступки. Но чем упорнее она оправдывала Олега, тем явственнее понимала, что женщина сказала чистую правду.

* * *

Когда раздалось жужжание будильника, Анфиса крепче зажмурила глаза, представляя себя на сборах в Подмоскowie, а всё случившееся в последний год – тягостным сном. Она делала так ежедневно, каждый раз отчаянно надеясь на чудо, которого не случалось. Часы отсчитали шесть утра – привычное время для тренировки.

Много лет подряд ровно в шесть тренер поднимал команду на построение и пробежку. Ох, как не хотелось тогда вставать! Ругаясь и жмурясь, она считала себя несчастной и завидовала тем, кто может позволить себе нежиться до третьих петухов. А оказывается, тогда она была очень счастливой!

Последние полтора года выдались такие, что не пожелала бы подобного и заклятому врагу. Ночами она скулила от бессилия или лежала, уставившись в светлый квадрат потолка, и старалась не загадывать о будущем. Днём сторонилась общества, выбирая самые безлюдные маршруты и избегая разговоров, чтобы спрятаться от всех в коконе своего одиночества.

С утренним туалетом в коммунальной квартире следовало поторопиться, а то в ванную с минуты на минуту вырастет очередь из соседей.

«Как в вагоне пассажирского поезда», – усмехнулась Анфиса.

Втиснувшись между тахтой и шкафом, она сделала пятьдесят отжиманий и несколько упражнений на растяжку.

«Даже если не можешь победить – не сдавайся», – говорил тренер, и она не сдавалась: держалась через слёзы и пот, не позволяя душе окончательно скатиться в депрессию. Теперь её жизнь приобрела вид соревнований: полная концентрация, забег, финиш, ночной перерыв на сон и новый забег. И ещё помогали книги! Она уходила в них с головой, и каждая книга была как кирпичик в надёжную стену, защищающую от нападения врагов.

Лёгкий перекус бутербродом – и пора на работу. После долгих поисков удалось устроиться фасовщицей в супермаркет на скудную зарплату, которой с трудом хватало на еду и оплату аренды. К концу рабочего дня «укороченная» нога отекала до колена, на что Анфиса внимания не обращала, благо сказывалась спортивная закалка: терпеть, терпеть и ещё раз терпеть.

Мутная петербургская весна напоминала о себе грязно-серыми облаками, размазанными по небу, словно комки овсяной каши. По стенам домов сырыми пятнами расплзались щупальца оттепели. Тёмные кроны деревьев тянули к небу голые ветки, с отчаянием жалуясь на свою наготу и малое количество солнца в северных широтах. Но несмотря ни на что, город умел хранить свою красоту и вызывать восхищение. Улицы, дома, фасады с лепниной...

Каждый день идя до метро привычным маршрутом, она заново подмечала какие-то новые штрихи и детали, предвкушая, что завтра, в другую погоду, перспективы улиц предстанут с новой стороны, словно приоткроют для неё завесу тайны.

– Опаздываешь, Низовая! – прикрикнул на неё начальник фасовочного цеха Александр – молодой парень после техникума, корчивший из себя начальство. До начала смены оставалось десять минут. Анфиса выразительно показала на часы, вставила в уши наушники, повязала голову косынкой и натянула резиновые перчатки.

Судя по запаху, предстояло фасовать рыбные суповые наборы. Отрубленные лососёвые головы тарачились на неё из ящика стеклянными глазами-бусинами. Анфисе вдруг вспомнился один забег, проигранный спортсменке из Конго. Несчастливая, взмыленная, она стояла у кромки стадиона и смотрела на тренера. Наверное, у неё были такие же глаза. Но тогда в её жилах вместе с кровью пульсировало счастье полной жизни. Только она об этом не задумывалась, поглощённая смешной сиюминутной бедой, которая исчезла через пару месяцев после отборочных соревнований на первенство России.

Мысли о спорте приносили зудящую боль. Анфиса шлёпнула на пенопластовую тару рыбную голову, добавила пару плавников и затянула плёнкой. Руки работали сами по себе, доведя действия до автоматизма. В наушниках звучала классическая музыка. Если абстрагироваться от действительности, то можно позволить себе следовать за мелодией, которая имела силу раздвигать стены и уносить ввысь.

* * *

Начальник фасовочного цеха Александр терпеть не мог Анфису Низовую. Она раздражала его своей независимостью и отрешённостью, особенно когда иронично смотрела исподлобья, когда он раздавал распоряжения. В такие моменты Александр чувствовал себя ничёмным, и ему хотелось резко сказать, что от таких каракатиц, как она, его с души воротит. Некрасивая, маленькая, горбоносая, да ещё хромая! Как говорила его мать: «Отворотясь не насмотришься». Нет! Он любил высоких, голубоглазых, спортивных. Да и сам, под настроение, иногда пробегал пару кругов по парку, не забывая ловить заинтересованные девичьи взгляды. Эх, хорошо, когда в мышцах есть сила, а впереди интересная и обязательно обеспеченная жизнь.

Девушек он любил, но эта Низовая... Вы что думаете она слушает в наушниках? Какую-нибудь весёленькую попсу тили-тили, трали-вали? Нет! Когда он проходил мимо, то в наушниках явственно раздавалось пиликанье скрипок или медленно-тягучие звуки оркестра. Ну ладно, нравится тебе тягомотина – слушай, но Низовая отрывалась от коллектива даже в перерывах. Когда все дружно сидели в своих телефонах, Анфиса демонстративно доставала из рюкзака настоящую бумажную книгу и читала! Бумажную книгу! Как старая бабка, которая понятия не имеет, что в мире царит электронный формат и все нормальные люди пользуются гаджетами.

В порыве раздражения Александр постоянно ставил Анфису на самые трудные участки работы – знал, что она выполнит норму. Стиснет зубы, нахмурит брови и будет без отдыха раскладывать, взвешивать, упаковывать, словно никогда не знала усталости.

* * *

Захребетники, мажоры... Хлёсткие слова женщины, что рассказала Инне про Олега, засели в памяти и колко жгли обидой, словно это именно она, Инна, покалечила несчастную Анфису, нехстати оказавшуюся на пути автомобиля.

«Мажоры никчёмные, чтоб они провалились!» – припечатала женщина, когда Инна шла к машине, чтобы быстрее унести ноги и затолкать новое знание в самый дальний угол памяти.

«И зачем поехала? – ругала она себя. – Если Олег и виноват, то теперь сполна рассчитался за свои ошибки».

Никчёмная мажорка... Инна ударила руками по рулю и с обидой закусила губу.

Ну какая же она мажорка? Да, у неё есть прекрасная трёхкомнатная квартира в наследство от бабушки. Машину мама подарила на двадцатилетие. Оплачивает учёбу тоже мама. Ещё мама каждый месяц переводит на карточку энную сумму, которая вполне покрывает расходы. Но ведь так поступают любые нормальные родители! И ничего особенного! Кстати, некоторые студенты живут в сто раз лучше.

«А некоторые в сто раз хуже», – промелькнула и погасла короткая мысль, вызванная образом мужика в трусах – Анфисиного отчима с небритой щетиной и тяжёлым запахом перегара.

– Я не виновата, что родилась в нормальной семье и живу в мире обеспеченных людей! За что мне должно быть стыдно?! – воскликнула она вслух, едва не врезавшись в машину рядом.

Водитель серого «опеля» коротко просигналил и пропустил её вперёд.

«Правило трёх Д: Дай Дорогу Дураку», – подумала Инна и резко свернула в первый попавшийся переулок.

Она втиснула машину между двух грузовиков, вышла и прошла вперёд, к набережной Невы, где сквозь сизую дымку просматривались очертания Большеохтинского моста.

От двух готических башен к берегам протянулись ажурные крылья ферм, открывая вид на бело-голубое совершенство ансамбля Смольного собора с луковками куполов под цвет облаков. От слияния земного и небесного захватывало дух. Отчаянно захотелось прижать ладони к стенам собора и припасть к его ступеням, помнившим лёгкие шаги девушек-смолянок. Может быть, там, в церкви, отыщутся ответы на её вопросы?

Она оперлась на гранитный парапет. Голова медленно кружилась в лад с неспешным течением реки. По набережной мимо проносились машины. Пешеходов не наблюдалось, и казалось, что, кроме неё, на набережной нет ни единой души. Поэтому, когда позади раздался мягкий мужской голос, Инна вздрогнула и обернулась. На неё смотрел долговязый парень с русой растрёпанной бородкой и огромными карими глазами.

– Плохо тебе?

Не спрашивая, он положил руку ей на плечо, и этот дружеский жест, как ни странно, принёс подобие успокоения.

– Плохо.

Он понимающе кивнул:

– Жизнь вообще паршивая штука. Живёшь себе живёшь, думаешь, что всё шоколад-но. А вдруг бац, один миг – и ты в помойке.

– Точно. – Инна нашла в себе силы жалко улыбнуться, но почувствовала дрожь в губах и поняла, что прямо сейчас безудержно разрыдается, уткнувшись носом прямо в плечо незнакомца.

Он переступил длинными ногами в огромных кроссовках и пододвинулся поближе. Его глаза оказались слишком близко от её глаз, и Инна перевела взгляд на воду в дрожи зеркальной ряби.

– Мужик бросил? – спросил парень и, не дожидаясь ответа, постарался успокоить: – Брось, рассосётся. Найдёшь себе в сто раз лучше. Меня тоже подружка бросила. Нашла себе богатенького буратинку во-о-от с таким носом.

Взмахом руки он обрисовал в воздухе острый треугольник размером с полметра.

– А ты что? – вяло поинтересовалась Инна.

– Как – что? – удивился он. – Всё как положено: трагедия, головой о стену, жизнь не в радость. А она и вправду не в радость – чего в ней хорошего? Тоска зелёная: учёба ради работы, снова учёба и опять работа. Зачем корячиться, если то, для чего переживал и вкалывал как ломовая лошадь, может исчезнуть в один миг? Нет! Надо жить по-другому. Набраться духу и перестроить свою жизнь так, как надо лично тебе, а не в угоду обществу, маме, папе, друзьям или правительству.

Хотя слова парня рисовали безрадостную картину бытия, в них сквозили нотки оптимизма, словно говоривший уже нашёл выход из положения.

Инна посмотрела в его широко распахнутые глаза:

– И что же делать?

– О, тут много вариантов! Кто-то уходит в запой, – он презрительно улыбнулся, – но это не наш метод. Кто-то валяется на диване и побирается в интернете. Некоторые находят богатенького спонсора и живут за его счёт. В общем, каждый изворачивается как может.

– А ты живёшь как хочешь? – Инна вопросительно подняла брови.

Вместо ответа он протянул Инне раскрытую ладонь:

– Пойдём со мной! Обещаю, скучно не будет.

И она, сама не зная зачем, послушно кивнула:

– Идём.

* * *

Они шли через незнакомые дворы, выныривая из подворотен, словно из туннелей в параллельные миры. Новый знакомый, он назвался Сергеем, безошибочно открывал кодовые замки на воротах и распахивал двери подъездов, выведивших на соседние улицы.

Когда Инна поняла, что не сможет отыскать обратную дорогу к машине, она остановилась:

– Куда ты меня ведёшь?

Он улыбнулся и тряхнул спутанной бородёнкой:

– Скоро узнаешь. Мы почти у цели. Не бойся, я не маньяк и не серый волк. – Он хихикнул. – Красными Шапочками не перекусываю.

После очередного поворота ход из двора вывел на многолюдную улицу вблизи Смольного собора. Инна перевела дух. Сергей подвёл её к небольшому кирпичному флигелю с обратной стороны здания:

– Нам сюда. Мой френд организовал маленький лофт и коворкинг. Знаешь, что такое коворкинг?

Инна удивлённо подняла брови:

– Естественно, знаю. Помещение, куда любой может прийти и поработать вместо офиса. Правда, – она сделала небольшую паузу, – прежде я никогда не заглядывала в коворкинг. Не было нужды.

– Значит, у тебя впереди много интересного! – жизнерадостно провозгласил Сергей. – Сейчас я тебя познакомлю с друзьями.

Лофт, куда привёл её Сергей, как и все лофты, представлял собой помещение, переделанное из бывшего здания промышленного назначения. По виду Инна отнесла флигель к бывшей общественной прачечной или крошечному складу с тёмно-кирпичными стенами и цементным полом, по которому были проложены декоративные деревянные дорожки из спилов деревьев. Вдоль стены с остатками штукатурки стояли столики с открытыми ноутбуками, где несколько молодых людей увлечённо шлёпали по клавиатуре.

На парковой скамейке из советского прошлого сидела девушка с длинными волосами морковного цвета и задумчиво что-то читала в смартфоне. Крепкий запах свежего кофе обволакивал пространство теплом и уютom.

– Друзья, внимание! Прошу любить и жаловать нашу новую кандидатку! – Сергей обернулся к Инне и полушёпотом спросил: – Как тебя зовут?

– Инна.

– Итак, перед вами Инна! – с театральным пафосом воскликнул Сергей и обратился к Инне: – Буду тебя знакомить с коллективом. – Он указал на молодых мужчин за компьютером: – Это Вася, он у нас искусствовед, а это Денис – программист. Ну, и наше украшение – Марианна. Она дизайнер одежды для морских свинок. Как ты понимаешь, мы все бывшие.

– Я пока ничего не понимаю, – сказала Инна.

Марианна лениво поднялась со своего места и продефилировала к кофемашине на подставке в углу. Рваные на коленях джинсы мельком приоткрывали острые коленки. По шее с татуировкой змейй струились длинные серьги из цепочек с шариком на конце. Каждое её движение наполняла истомная грация женщины, уверенной в собственной неотразимости. Наверняка дизайн комбинезонов для свинок даёт хорошую жизненную закалку.

Марианна отсалютовала Сергею пустым стаканчиком из-под кофе и иронично скривила губы.

– Ты что, Серёга, приводишь кандидатку и не сообщил ей, что мы даунши?

– Даун кто? – тупо переспросила Инна.

Марианна подняла брови и с прищуром оглядела Инну с ног до головы.

– Ты кого к нам привёл? Девушка, похоже, совсем не нашего поля ягода, если в простых вещах не рубит.

– Ладно, Марьяха, не заводись. Видишь, гостя стесняется. Ты ей лучше кофе предложи, – встал из-за стола искусствовед Вася. Судя по плотной комплекции с короткой мощной шеей, ему лучше бы подошла роль борца на татами или, например, телохранителя. Но походка у него была наилегчайшая, как полёт бабочки, а добродушная улыбка могла бы растопить хрупкий лёд на Неве.

– Даунши – это сокращённое от дауншифтеров. Слыхала про такое?

– Конечно. – Инна приняла из рук Марианны стаканчик с кофе и кивком поблагодарила. Про дауншифтеров она слышала в общих чертах, поэтому неуверенно предположила: – Вы те ребята, которые сдают свои квартиры в России и переезжают жить куда-нибудь к тёплым морям и океанам.

– В точку, но не совсем, – сказал Сергей.

Он переместился на скамейку и пригласил присесть Инну. Примостившись рядом, она отхлебнула крепчайший кофе с пенкой и лёгким привкусом корицы.

Марианна расположилась напротив, за одним из столиков, куда пересели Вася и Денис.

– В каком смысле не совсем? – уточнила Инна. – Дело в том, что я не очень в курсе дауншифтеров. Мои знакомые больше стремятся делать карьеру.

– Вот именно! Ребята, вы слышали? Она произнесла ключевое: «карьера»! – весело воскликнул Денис. Он хлопнул ладонями по коленкам, словно собираясь пуститься в пляс. – Ты уловила главное отличие даунши от нудных обывателей с мозгами, заточенными на работу, работу и ещё раз работу. В отличие от них мы, даунши, хотим жить только для себя, и больше ни для кого. Жизнь слишком коротка, чтобы прожить её с оглядкой на других и ради других. Пусть они сами выбирают свою дорогу, а не висят гирей на шее у свободных людей. Дауншифтинг – это свобода от общества, свобода от обязательств, свобода от неприятностей, в конце концов! Что может быть лучше, чем позволить себе сорваться на край света, лечь на тёплый песок слушать шорох пальм над головой и мерное хлюпанье волн о камни. Ни о чём не заботиться, ни о ком не переживать – есть только ты и Вселенная. Главное, надо набраться смело-

сти, чтобы послать куда подальше всех и всё, что мешает оторваться от земли и воспарить. – Денис соорудил подобие крыльев из кистей рук и несколько раз помахал в воздухе.

– Сбежать от городской суеты можно в любое место, даже в тайгу, но мы выбрали Бали, – негромко сказал Сергей. – Присмотрели себе домик на несколько человек, и одного как раз не хватает. Так что если ты вступишь в нашу компанию, то через пару недель будешь в нирване лежать с коктейлем в шезлонге и наслаждаться покоем, красотой и бездельем.

– Не мечи бисер, Данька, – встряла в разговор Марианна, – ты что, по одежке не понимаешь, что девушка привыкла отдыхать в пятизвёздочных отелях «всё включено», а не в малазийской глуши? Да одно её кольцо стоит столько, что на Бали можно год прожить без забот и хлопот.

– Тем более отлично! – Искусствовед Вася широко улыбнулся и подмигнул Инне. – Ты не смотри, что Марьяха колючая! Это она тебя на прочность проверяет. На самом деле она у нас добрая душа. Правда, Марьяшенька?

Лёгкими шагами он подошел к Марьяне и звучно чмокнул её в щёку. Та шутливо шлёпнула его в лоб:

– Отойди от меня на безопасное расстояние, иначе оболю тебя кофе. – Её голос потеплел, и уже вполне дружелюбно она заметила в сторону Инны: – Ты не думай, наши мальчишки приставать не будут. Они у меня вот где! – Марьяна подняла вверх крепко сжатый кулачок. – Я уже во второй раз буду шифтерить. Сначала в Таиланде кантовалась, но решила перебраться на Бали. Если приживусь, то останусь навсегда. Там жизнь в три раза дешевле, чем здесь, а проблем и совсем нет, если не считать тараканов в ванной комнате и муравьёв в супе. Но я их не боюсь. А ты?

Инна пожала плечами:

– Не знаю. Но, наверное, тоже не боюсь, хотя муравьёв в супе не одобряю.

Она вдруг подумала: может, и вправду сменить обстановку? Но не так, чтоб шило на мыло, типа короткого отдыха на курорте, а кардинально, с перелётом в другую реальность, где нет ни взрывов в метро, ни сбитых машиной девушек, ни крематория с Олегом в полированном гробу. Ни-че-го! Только море, солнце и стрёкот цикад под звёздным небом.

Она отхлебнула глоток кофе и посмаковала во рту терпкую горечь.

– Знаете, ребята, покажите мне фото дома, что планируете снять, да подробнее расскажите о Бали. Я подумаю.

Село Загоруево, 1903 год

Летний день выдался холодным. Посконная рубаха⁶ совсем не грела, и Матвейка замёрз до синевы, как ни спасался от холода, бегая с бечевой, чтобы согнать коров в стадо. Утренняя заря длинным розовым языком медленно слизывает сливки с кипенно-белого облака.

Когда стадо дойдёт до дальнего выгона, от облака не останется и следа, зато на небо выкатится солнечное колесо и станет теплее.

– Не ленись, Мотька, шибче, шибче ногами шевели! – знай себе покрикивал на подпаса пастух дядька Панас. Полностью дядьку Панаса звали Афанасий, а попросту Афоня, но он велел называть себя только Панасом, чтоб звучало уважительнее. Приложившись губами к оплетённой баклажке, дядька Па-нас шумно отхлебнул пару глотков и вытер рот рукавом.

– Эх, крепкий квасок, зараза. До кишок продирает.

Матвейка знал, что в баклажке у дядьки Панаса не квасок, а что покрепче, но помалкивал. Мама настрого наказывала ему не перечить, а то дядька Панас возьмёт в подпаски другого мальчишку, и тогда придётся им с мамкой с голоду пухнуть. И так-то семья едва концы с концами сводила, от урожая до урожая, а о прошлом годе батюшку лошадь убила, маманя от горя занедужила, вот и получилось, что главным кормильцем остался Матвейка. А что? Большой уже, скоро десять сравняется. Вон, соседа Серёнку в тринадцать лет женили, чтоб крепкую молодуху в дом взять. Матвейка утёр рукавом нос и поморщился: не хочу жениться, а то придётся двух баб кормить.

В конце лета староста обещал дать за работу мешок зерна, мешок картошки и три меры конопляного масла. Но самое главное, каждый двор в череду кормил пастухов ужином. Дядьке Панасу, ясно, доставалось что получше, а подпаску объедки, но хватало живот набить. Иной раз удавалось кусок-другой припасти для мамы, и тогда Матвейка обмирал от радости, представляя, как в маминых глазах заиграет улыбка, когда он выложит добычу на стол.

– Шибче, шибче, не зевай! Гляди, Пеструха в кусты пошла! – заголосил дядька Па-нас, и Матвейка что есть мочи припустил за непокорной животиной. Пеструха, она такая – за ней глаз да глаз, чуть отвернёшься – норовит сбежать куда подальше. Матвейка вздохнул: в прошлый

⁶ *Посконная рубаха* – изделие, сшитое из домотканого холста, поскони (посконины). Посконина изготовлялась из конопли. Из посконины шили рубахи, штаны, мешки и т. п.

раз Пеструху пришлось из болота вытаскивать, а опосля дядька Па-нас таких оплеух надавал, что уши неделю огнём горели.

Только выгнал Пеструху, как кузнецова Бурёнка затрясла рогами на тёлку тётки Василисы Шубниковой. Василис в селе было три, и их различали по мужьям: у одной шубник, у другой возчик, а третью, не замужнюю, родители с рук сбыть не могут, такая ленивая уродилась.

Пока разгонял коров, онучи в лаптях насквозь промокли, хоть отжимай. Матвейка переступил застывшими ногами и с тоской поглядел на тучи, которые застелили солнце, словно серая мешковина. Видать, сегодня тепла не жди. Порыв ветра прогулялся по тощему телу и парусом надул рубаху на спине. И до обеда ещё далеко.

В заплечной торбе у Матвейки лежали краюха хлеба и луковица, а если дядька Па-нас уснёт, то можно будет тайком надоить у какой-нибудь коровёнки пару глотков молока. Грех, конечно, но есть-то хочется, аж живот сводит. Маманя узнала бы, что он чужое молоко, как котёнок, лакает, сказала бы: «Бог накажет». А где Он, этот Бог? Если бы был Он добрый да могучий, разве бы смотрел, как ребяташки от голода маются или помирают от лихоманки? Разве же допустил бы коня к бате, чтоб тот ему голову размозжил? Вот и выходит, что нет того Бога и в помине, а если и есть, то помогает богатым, чтоб те ещё богаче становились, а бедняков с неба не видно: слишком мелкие людишки.

От холода и голода очень хотелось заплакать. Так, чтоб уткнуться головой в мамкины колени и всхлипывать всласть, пока её рука оглаживает вихры. Но мужикам реветь не положено, стыдоба одна, да и страшно делается, коли мужики плачут. Матвейка однажды видал, как плакал отец, хороня младшую сестрёнку. Кто ж знал, что вскорости и самого батю на погост снесут под дикие вопли матери и заунывный стон ветра в печной трубе.

– Мотька, подь сюды, пострел окаянный! Не дозовёсси тебя!

Матвейка вздрогнул и со всех сил дунул к дядьке Панасу. Тот силился поправить жердину изгороди и ругался непотребными словами на чём свет стоит.

Имение купчихи Беловодовой, 1903 год

Удивительная штука электричество! Интересно, откуда оно берётся? Говорят, со специальной станции. Непостижимо! Марфа повернула медную рукоятку, и лампа на столе засияла ровным жёлтым светом, словно полная луна в зимнюю ночь. Неделя, как в контору провели линию, а ощущение чуда не проходит. В имение бы электричество, да никаких денег не хватит тянуть провод на столбах двадцать вёрст от города. Придётся по старинке довольствоваться газовыми рожками.

Марфа раскрыла сафьяновый переплёт и сделала пометку в записной книжке: надо дать распоряжение управляющему купить акции электрической компании: не пройдёт и пары десятков лет, как вся страна огнями засияет. Говорят, в Санкт-Петербурге уже на улицах фонари поменяли с газовых на электрические. Красота, наверное! То-то людям радость, ведь фонари, как и солнце, для всех светят. Им без разницы: что царь, что нищий на паперти.

«Зачем стараюсь? К чему доходы множу?» – Марфа подпёрла рукой щёку и горько хмыкнула. Отписать имущество в казну? Так после её смерти чиновники разворуют всё до последней нитки, уж кто-кто, а она ту шатию-братию хорошо успела изучить. Стипендию для студентов учредила, приют для вдов построила и содержит, амбулатории в деревнях открыла, больницы взнос сделала... Но на сердце камень как лежал, так и лежит думами о том, что не рад был бы батюшка нажитое в чужие руки отдать. Да ещё и не угадаешь, честные те руки или вороватые. Давеча послала чек в гимназию – передать усердному ученику из бедноты, а вскорости донесли, что сто призовых рублей директор своему сынку-лоботрясу вручил.

Думы тяготили, мешая день с ночью. Годы-то лебедями летят! Вон уже и седина в волосах, и морщин достаточно. Не успеешь оглянуться, как старость на порог ступит, а встречать-то её и не с кем. Хоть бы братец был или сестрица. Да не дал Господь.

Хотя...

Марфа достала из бюро листок бумаги, окунула перо в чернила и принялась убористым почерком писать поручение своему стряпчему с просьбой исполнить его немедленно.

Санкт-Петербург, 2017 год

Коммунальная квартира не очень подходящее место хранить секреты: все обитатели знают, кто из них предпочитает мыться хозяйственным мылом вместо шампуня, кто пытается сохранить на лысине последние волосы и мажет голову репейным лосьоном, у кого какое бельё и что будет в каждой кастрюльке на обед и ужин.

Сегодня соседка варила рыбу. С недавнего времени она взяла привычку питаться рыбой три раза в неделю – в понедельник, среду и пятницу. Густой запах, сдобренный лаврушкой и перцем, растекался по коридору и просачивался под дверь.

– Опять развела вонищу, войти невозможно! – По коридору протопал кряжистый жилец из третьей комнаты. Тот, у которого лысина.

– А тебе что, завидно, что ли?! – выкрикнула из кухни соседка. – Хочу – и варю. У тебя не спросила!

Анфиса распахнула форточку и сделала несколько глубоких вдохов, пытаясь поймать губами свежий весенний воздух. Со двора на запах рыбы отреагировала и затыкала маленькая лохматая собачка на длинном поводке. Хозяйка стала ей выговаривать что-то насчёт плебейского вкуса и что сухой корм гораздо лучше, но собачка обиженно стригла ушами и продолжала крутить носом, пока её не увели в парадную.

«Тебя бы кормить только сухим кормом», – мысленно пожелала хозяйке Анфиса и тут подумала, что сама лично не отказалась бы сейчас даже от сухого. Расфасовывая продукты на работе, она часто оставалась голодной. Пока работаешь, аппетита нет, а дома не хочется лишний раз показываться на общей кухне.

Её отвлек телефонный звонок. Это уже в третий раз звонила подруга по команде Оля. Окунуться в прошлую жизнь было тягостно, словно, с трудом выплыв на поверхность, вновь лезть в омут с головой. Со вздохом Анфиса взяла телефон.

– Анфис! Ты?! – Олин голос бил в уши весёлым энтузиазмом. – Я тебе звоню-звоню, а ты не отвечаешь. И в соцсетях тебя нет! Совсем забыла подруг. А мы о тебе помним.

– Я тоже помню о вас, девочки! – Анфиса постаралась придать голосу бодрости, как бывало, когда концентрировалась перед трудным стартом.

– Представляешь, Танька Веденеева выходит замуж и бросает спорт! – залпом выпалила Оля и замолчала, ожидая ответной реакции.

Веденеева была главной соперницей Анфисы, и бросить спорт точно не входило в её планы. Сразу вспомнились последние тренировки, когда тренер, срывая голос, орал перед финишной чертой:

– Жми, Низовая! Жми! Не уступай Веденеевой!

И она не уступила, а потом вместе с Танькой они сидели в раздевалке, и Танька сквозь слёзы обещала:

– Я всё равно тебя обгону. Вот увидишь, я обязательно выиграю первенство.

Воспоминания застилали глаза слезами. Анфиса несколько раз сморгнула, загоня их внутрь, и как можно безразличнее спросила у Оли:

– Вы куда собираетесь на сборы?

– Представляешь, в Испанию! В первый раз такое, чтобы Ассоциация раскошелилась на дальний перелёт просто так, без соревнований, – затарахтела Оля. – Говорят, там красиво, но очень влажно. Может быть, удастся выкроить денёк и поваляться на пляже. Хотя, – Олин голос потускнел, – ты же знаешь наше начальство. Загоняет до десятого пота, как лошадей на скачках.

– Какие вы счастливые, – помимо воли вырвалось у Анфисы.

– Ой, – осеклась Оля. – Прости, я и забыла, что ты теперь...

Не договорив, она скомкала конец фразы, и Анфиса дополнила за неё:

– ...хромая. Но ничего, я привыкаю. Теперь уже легче принять действительность. Главное, надо всегда помнить, что хорошее не может длиться вечно, поэтому надо ценить каждое мгновение, каждую каплю обычных будней, которые нам порой кажутся неинтересными и скучными.

– Это у тебя такой психологический тренинг? – после долгой паузы тихо спросила Оля.

– Наверное. – Анфиса пальцем нарисовала на запотевшем стекле узор и стала смотреть, как он медленно исчезает от дыхания ветра.

– Я бы того подонка, что на тебя наехал, на кусочки разорвала, – сказала Оля. – Чтоб ему пусто было!

У Анфисы заняло сердце. Зря Оля упомянула про водителя. Пришлось немало постараться, чтобы выкинуть его из головы и не дать ржавчине проесть дыру в сердце. Она давно запретила себе думать о человеке, изменившем её судьбу, иначе можно сойти с ума. Способ избавления от ненужных мыслей Анфиса изобрела несложный, но эффективный: пятьдесят отжиманий или приседаний. Если не помогало, то добавлялось ещё столько же, и так до седьмого пота... Желательно было вслух отсчитывать движения.

В комнате по-прежнему пахло рыбой. Анфиса бросила взгляд на раскрытую книгу, что притягивала к себе волшебным покоем пожелтевших страниц, и скомкала разговор:

– Оленька, спасибо, что позвонила, передавай привет всем нашим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.